

Мария Романова

Елизавета В сети интриг

Мария Романова Елизавета. В сети интриг

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7365481

Романова М. Елизавета. В сети интриг : Клуб семейного досуга; Харьков; 2014

ISBN 978-966-14-6675-2

Аннотация

Она была любимой дочерью великого Петра. Но когда венценосный отец умер, жизнь девушки изменилась безвозвратно. Замуж ее не захотел брат ни один королевский дом, а воссесть на трон России помешали интриги царедворцев. Но все же она дочь монарха – и ей хватило мудрости и терпения дождаться мига, когда она назовет себя «Мы, Елизавета Первая»!

Содержание

Предисловие	5
Пролог	7
Из «Записок декабриста» А. В. Поджио (1830)	10
Глава 1. Любимая доченька	13
Из «Записок декабриста» А. В. Поджио (1830)	19
Из письма Петра Первого Екатерине в Москву	22
Из письма графа Басевича о Екатерине Первой	23
Глава 2. Золушка с приданым	24
Из К. Валишевского. «Дщерь Петра Великого. Елизавета Петровна» (1902)	31
Глава 3. Шкатулка с потайным дном	32
Глава 4. История о связанных руках	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария Романова Елизавета. В сети интриг

*Ты в игре королева. Я и сам уж не рад.
Конь мой сделался пешкой, но не взять ход назад...
Черной жмусь я ладьею к твоей белой ладье,
Два лица теперь рядом... А в итоге что? Мат!*

Омар Хайям

Предисловие

Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня XVIII века, которую по русскому обычаю многие бранили при жизни и тоже по русскому обычаю все оплакали по смерти.

В.О. Ключевский

«Веселая царица была Елисавет...» Кому не известны эти ироничные слова Толстого? Ими начинается любая статья в серьезных изданиях, в малосерьезных журналах, и даже литературные произведения, вымышленные, не имеющие ничего общего с подлинными историческими событиями, через одно именно этими строками описывают первую половину восемнадцатого века – время восхождения звезды Елизаветы Петровны.

А что уж говорить о событиях после восхождения на трон! Историки нынешнего времени все больше о Ломоносове рассказывают да о Шувалове... Не забывают и Петра Третьего и его прекрасную жену Екатерину Алексеевну. А вот о женщине, благодаря которой эти имена появились на страницах истории, отчего-то забывают. Не забывают, правда, другие творцы – создатели любовных романов и романчиков, которые и о великом времени, и о самой дочери Петра не имеют ни малейшего представления. Одна ко число таких «ложных» исторических романов невелико, особенно по сравнению с историями «из жизни Екатерины Великой», о которой нынешним ремесленникам от пера тоже толком ничего не известно. И для тех, и для других бесценным кладом информации являются некоторые псевдоисторические романы, которых в свое время было написано довольно много.

Одним словом, никто толком не знает ни о Елизавете, ни о ее времени. Но, что гораздо печальнее, и не стремится узнать, довольствуясь альковными историйками, сочиненными в угоду совсем иным вкусам. Дескать, эта царица была «веселая», а вот та императрица – «шальная», а третья правительница и вовсе «не брезговавшая дамами»... К тому же эти историйки-то чаще мужчины рассказывают, навешивая ярлыки согласно собственным взглядам и пониманию дозволенного.

А вот о том, что же чувствовали эти самые «шальные», «веселые» и «не брезгующие», написано куда как мало. О том, какие бури бушевали у них в душе в самый миг переворота, какие чувства приходили к ним в момент венчания, какие надежды осеняли при рождении детей... Сколько ни копайся в литературе, дай бог, чтобы десяток слов нашлось.

История, которую я хочу вам рассказать, совсем иная. Она о женщине, которую мало кто смог разглядеть в истинном свете. О ее подлинных чувствах, настоящих страданиях и радостях. Пусть кукловоды истории, мнившие себя опытными и знающими, считали, что вертят Елизаветой, пусть были уверены, что именно им принадлежит вся слава... Не будем

спорить – ведь они были мужчинами. А я расскажу вам историю женщины. Женщины, вернувшей стране величие и без тени сомнений при этом пожертвовавшей собственным счастьем.

О Елизавете, дочери великого Петра.

Пролог

Елизавета отправилась на прогулку ранним утром – тайком, никому из приближенных не сказав ни слова, и теперь нисколько об этом не жалела – упивалась полной свободой. Ночью прошел сильный летний дождь, воздух был свеж до прозрачности и, казалось, звенел, любимый Геркулес галопом неся по мелководью, брызги летели из-под копыт, блестели всеми цветами радуги, и настоящая радуга стояла высоко в небе, над верхушками далекого леса, и волосы развевались, и она припадала к гриве коня, почти касаясь ее щекой, и прищипывала его, чтобы летел еще быстрее, и хохотала безудержно, и не могла остановиться – так переполняло ее веселое, отчаянное счастье...

Не то чтобы исчез ее смех бесследно, нет, он оставался в ней, прятался на дне ее темных глаз, в уголках тонких губ, в насмешливой улыбке, но никогда уже не прорывался так легко, с таким весельем и беззаботностью. Что-то темное и беспокойное поселилось в ее душе, и иногда она и сама пугалась, думая о том, какой становится – медленно, исподволь.

– Грех чую в себе, – говорила она полупшепотом духовнику, – большой грех. Бояться я стала...

Да, она хорошо знала имя того, что отныне жило в ее душе и не покидало даже по ночам, наоборот, ширилось, росло, захватывая ее всю, – СТРАХ. Страх был такой, что становилось дурно, и она, не желая звать наперсниц, принималась беспокойно расхаживать по комнате – взад-вперед, кругами, из угла в угол, – пока наконец под утро, обессиленная, не засыпала.

Теперь она часто вспоминала то последнее счастливое лето – тогда и батюшка, и матушка были живы, а она купалась в роскоши и любви. Она прекрасно знала, что именно ее великий российский самодержец любит больше всех своих детей, и очень часто, очень открыто и очень мило этим пользовалась – с самого детства и до самых последних дней его жизни. Она и сама любила его – больше, пожалуй, чем и матушку, в чем теперь горько признавалась на исповеди. «Утешь меня! – словно умоляли священника горячие темные глаза. – Утешь, успокой, скажи, что матушке хорошо на небесах и она не в обиде на меня...» Она истово молилась, она каждый день ходила в церковь и всегда делала пожертвования, она бы все свое состояние пожертвовала на храм – вот только жертвовать уже было, по большому счету, нечего.

Да если бы только это... Безусловная претендентка на российский престол, после смерти отца и матери Елизавета оказалась в отчаянном положении. Выяснилось, что интриги и козни царедворцев, о которых предупреждал отец и к которым пыталась подготовить ее мать во время краткого своего правления, и правда так запутанны и коварны, а желающих править Россией – великое множество, и о законном праве на престол законной дочери Петровой они и помышлять не хотят. Более того, грезят отправить эту самую законную дочь в буквальном смысле куда подальше – и спасибо, что замуж за европейского монарха, а не в отдаленный монастырь в сибирской глуши...

Да бог бы с ним, с престолом, ее бы устроило просто жить дома, в любимом дворце, который строил батюшка и в котором Александр Данилыч, бывало, носил ее на руках, но Александр Данилыч Меншиков, кажется, и думать забыл о некогда любимой белокурой девочке, а думает о своих прожектах, коих у него... на пальцах не пересчитать... И она, Елизавета Петровна, царица и наследница, – всего лишь игрушка в руках сильных мира сего, и судьба ее зависит от них, и как ею распорядятся... А она, что она может сделать? Страшно, страшно...

Монастырь превратился для нее в кошмарный сон. Просыпаясь по ночам, она с трудом приходила в себя, вспоминая виденное: клобук, тесную келью, узкое окно... И тут же на память приходил отец: высокий, сильный, неистовый, он поднимал ее на руки – даже шестнадцатилетнюю, – целовал и крепко прижимал к себе... От него пахло морем и лесом, он, уверенно державший в могучих руках огромную страну, возродивший ее и укрепивший ее мощь, таял, обнимая свою дочурку, и она знала, что нет на свете более любящих рук и нет рук надежней...

...Была зима, и был лютый мороз... Она сидела с девушками в покоях, они вышивали, болтали и смеялись, свечи горели ярким горячим светом, а за окном мела метель... Завывал в трубах ветер, а в комнатах императорской дочери было тепло и уютно, и она подумать не могла – да и зачем бы ей было об этом думать? – что совсем близко, на так любимой ею черной глубокой Неве, батюшка, по грудь в воде, помогает простым солдатам вытаскивать пушку, соскользнувшую с борта судна, и стынет, стынет, и начинает кашлять, глухо, надрывно, и уже смертельный холод подбирается к его груди, но уйти нельзя, и бросить веревку нельзя, а вокруг люди по пояс в ледяной воде, в зипунишках и худых сапогах, – тот народ, который так хотел батюшка вывести в люди и так любил... И еще тяжелее им, и закричал бы отец от боли и жгучего холода, что поднимается к самому сердцу, и ни дышать, ни закричать нельзя, – но нет, им еще тяжелее, а он, царь, Черниговского полка поручик, офицер русской армии, русский человек – не может, не должен, не имеет права слабее быть...

И потом, когда принесли его во дворец и матушка, задыхаясь от слез, растерянная и подавленная, не находила себе места, – она думала: обойдется... Сильнее батюшки не было никого на этом свете, и батюшка не мог, просто не мог умереть, он не мог оставить ее... Никогда...

А потом он лежал на огромной кровати, и чадили вокруг свечи, и священники пели, и читали молитвы, и плакала мать, а Александр Данилович Меншиков не подходил близко к одру своего давнего друга и повелителя, а от двери мрачно и как-то странно смотрел на него... Она стояла рядом, хотела подойти к отцу и не могла... Она смотрела на него сухими остановившимися глазами и помнила только одно: не показать свое горе, не дать повод говорить о своих слезах... Она царица, она Романова, она дочь Петрова, и прощаться с отцом она будет наедине...

Она пришла к нему ночью, упала на колени рядом с кроватью, гладила высокий лоб и щеки, целовала закрытые глаза и плотно сжатые губы – знала, что придворный скульптор по велению матушки уже снял маску с отцова лица и что даже далекие потомки смогут увидеть, каким был батюшка при жизни... Она плакала и тихо, жалобно выла, как осиротевший щенок, но утром, на погребении, была божественно красивой, холодной и спокойной, как подобает российской царице, любимой дочери великого Петра... Правда, она чуть было не лишилась чувств, она почти упала, но сзади кто-то поддержал ее – граф Шереметев, – и она подумала, нет, скорей почувствовала, как он, жестоко обиженный батюшкой, все же предан ему и любит ее...

...Историю любви отца и матушки она, как и все во дворце и, более того, в России, знала с пеленок. И в детстве, и особенно в юности матушка сама рассказывала ей о знакомстве с отцом, настаивая: помни, доченька, прежде всего ты – женщина...

– Мужчины падки на бабью нежность... Ты же еще и красива – погляди, какие персы, бедра, какие глаза... Помни, Лизанька: чего нельзя добиться шпагой и мушкетом, всегда можно добиться лаской и обхождением...

Когда-то давно, во время баталии, мать, простая маркитантка, попала на глаза графу Шереметеву... Тот сделал ее своей «амор» – так называлось и преподносилось это юной Елизавете и ее сестрам, – но совершенно случайно красавица приглянулась всемогущему Меншикову. Исход дела был ясен, но в дальнейшем на званом обеде – случайно! – ее увидел

царь Петр Алексеевич... и, перекинувшись парой слов с фаворитом, забрал женщину в свои покои... Тот луидор, который он заплатил полковой шлюхе за горячую ночь, хранился в семье Романовых по сию пору: не важно, какое у нас было прошлое, важно, что мы делаем со своим настоящим... И с детства Елизавета, впитывая истории и сплетни про мать и отца, смутно подозревая своим еще детским разумом, что неспроста Александр Данилыч, хоть и скрепя сердце, уступил красавицу брюнетку государю и наверняка, потеряв (или все же не потеряв?) любовницу, приобрел такой рычаг влияния на императора, что перед ним блекли все остальные, видела, как мать добра к отцу, как он любит ее и как только она может утешить его, успокоить и смирить страшные головные боли, которыми он страдал с детства... Когда отцу было плохо, мать молча укладывала его голову себе на колени и нежно поглаживала – пока отец не засыпал – и сидела так два, три, четыре часа, сколько требовалось, чтобы он выпался и был спокоен. Только матушка могла унять приступ, и только с ней, кроме Лизаньки, отец бывал так спокоен и весел...

Теперь не было ни отца, ни матери – и юная Елизавета Петровна, без помощи, без поддержки, без денег, в центре интриг не только российского двора, но и всей Европы, готовилась выжить и победить тайных и явных врагов...

Из «Записок декабриста» А. В. Поджио (1830)

Завидная участь тех избранных на царство, понявших свое истинное значение. И как жизнь этих лиц, обставленных законом, и счастлива, и спокойна, и безмятежна! Завидная, право, их участь, хотя, конечно, прямых мыслителей на престоле было и есть мало! Спрашивается, почему же это число так мало? Лица ли лично виноваты, или люди, или среда, в которой они кружатся до первой случайности, до первой ломки? Во всяком случае, скажу и я с другими, что народ имеет то правительство, которое он переносит, а потому и заслуживает. Я, по справедливости, а может быть из чистой зависти, заглядывал в чужое и невольно восклицал: «Там-то, там хорошо и подручно и то и другое, а у нас-то!» Теперь воскликну наконец: «Да! У нас-то, у себя, на дому, на Руси!..» Господи! Прости нам более чем согрешение, прости нам нашу глупость! Да, знать не знаем и ведать не ведаем, что сотворили, и это в течение тысячи лет!.. Обок нас соседи, современники этого времени, двигались, шли и опережали нас, а мы только и славы, что отделались от татар, чтобы ими же и остаться. Посмотрим на наших просветителей.

Петр, например, как тень выступает из царства этих мертвых! Конечно, он велик! В нем были все зародыши великого, но и только. Предпринятая ломка отзывалась той же наследственной татарщиной. Он не понимал русского человека, но видел в нем двуногую тварь, созданную для проведения его цели. Цель была великанская, неуместимая в бывших границах России, и взял он ее, сироту, и, связав ей руки и ноги, окунул головой в иноземщину и чуть-чуть не упустил ее из длани и под Нарвою, и под Полтавою, и на Пруте. Счастье вынесло его на плечах и выбросило целым во всей его дикой наготе на открытый им и им заложный берег. Волны его смущали и обнимали страхом, который он не мог и не умел побороть. Берег, напротив, его одушевлял, окрылял его воображением и придавал ему нужные силы. Там, на берегу, хотя пустынном, зарождались его мечты, замыслы и пророческие вдохновения. Там он вздумал отложиться от прошлого, от всего русского и заложить основание новой России. Он бросил старую столицу, перенес свое кочевье на край государства только для того, чтоб жить всем, и ему в особенности, по-своему и заново!

Бросить Москву было немыслимо, но для него возможно. Москва еще стояла при всей своей вековой, исторической святости, и это послужило ей в гибель. Все бывшее его раздражало, язвило, и он, не вынося попов, начал с храмов. Там священнодействует патриарх – он сан патриарший хочет уничтожить и для этого православно заявить себя главой Церкви!.. Там великолепные царские терема, напоминающие византийский склад и вместе строгость нравов царей; он хочет завести свое зодчество, свои нравы, и пойдут пирушки, ассамблеи и вместе весь иноземный разврат... Там стояла изба, куда стекались выборные от всех городов, от вся земли русской и решали в земской думе, чему быть; он не хотел этой старины, он заведет и свой синод, и свои коллегии, и свой сенат! Здесь будет все собственно свое и все свои! Там были стрельцы; он их перебьет тысячами и разгонит; у него на болоте и в заводе их не будет; наконец, там одно чисто русское, а русские-то ему не под руку. Не с нами же ему ломку ломать, да и не с нами же жить! Он обзаведется и немцами, и голландцами, и одними чужими людьми! Москве не быть, а быть на болоте Петербургу, сказал он себе, и быть по сему. Назвав кочевье свое не градом, а бургом, он не Петр, а уже Pitter, да и говорит, и пишет по-русски уже языком ломаным французско-немецким и т. д. И чего стоит это задуманное на чужбине кочевье, сколько тут зарыто сокровищ, казны, как говорили, а еще более – сколько тут зарыто тысяч тел рабочих, вызванных из отдаления и павших без помещения от холода и изнурительных работ! Нужны были пути сообщения, правда, сам он лично бродит по болотам, по лесам; сам он решает меты, ставит вехи, но сколько здесь пало народу! Нужна была для этой цели его творения стальная длань при помощи мягкой восковой руки

русской! Но пусть Москва, пусть народ молча глядит и переносит всю тяжесть ломки – то было их время и то были люди того времени; но мы, отдаленные их потомки, прямые наследники, с одной стороны, этого чудовищного бесправного своеволия, с другой – этого подбострастия, которое не допустило нигде и ни в чем выразиться ни малейшему сопротивлению, могли ли мы, сочувствуя всем бедствиям, перенесенным Россией, и свидетели таких последствий Петрова строя, могли ли мы не отнестись с должным вопиющим негодованием против того печального прошедшего, из которого вырабатывался так последовательно жалкий, плачевный русский быт настоящего времени? Ненавистно было для нас прошедшее, как ненавистен был для нас Великий, заложивший новую Россию на новых, ничем не оправданных основаниях. Ломовик-преобразователь отзывался какою-то дикостью, не соответствующей условиям призвания человека на все творческое, великое! Он был варвар бессознательно, был варвар по природе, по склонности, по убеждению! Характер его сложился и развивался при обстоятельствах, тогда же вызванных, но не менее того раздражительно на него действовавших. Он шел неуклонно, безустально к заданной себе цели, и везде и всегда, до конца жизни, он видел... нет, ему чудились поборники всего старого, а он, как неусыпный страж своего нового дела, должен казнить, преследовать мнимых или действительных врагов своих. Воля его росла, укоренялась наравне с неистовой жестокостью. Сердце его не дрогнет даже над участью собственного сына, и он приносит его в жертву с какой-то утонченной злобою! То был не порыв страсти, быть может оправданный мгновением, запальчивым бешенством, понятным в такой натуре, – нет, это было действие долгого мышления и холодно, и зверски исполненного, – ужасно.

Каков он был к сестре, к сыну и вообще ко всей своей семье, таков он был и к большой семье русской... Он, как вотчину, точно любил Россию, но не терпел, не выносил и, что еще более, не уважал собственно Русских. Достаточно было вида одних бород, зипуна, а не немецкого кафтана, чтобы приводить его в преобразовательную ярость. Нет, он не только не уважал, но презирал всю привитую себе немецкую силу все тех же Русских.

Всегда пьяный, всегда буйный, он неизменно стоит тем же Pitter'ом и в совете, и на поле битвы, и на пирушках! Не изменит он себе и останется себе верен до конца; и какой конец! Конец самый позорный, самый поучительный для потомков и разъяснивший будто бы загадочную душу Великого! Здесь, на смертном его одре, мы его слышали, проследили и разгадали великую его ничтожность. Великий отходит, отходит не внезапно, но долго, при больших страданиях, но при своем, как всегда, уме. Часы торжественные, предсмертье. Здесь человек, как будто сбрасывая свою земную оболочку, облекается в обеленные ризы предстоящего суда (он же и был главой Христовой Церкви) и высказывает свое последнее, заветное слово. Слушаем не мы одни, а вся вздрогнувшая Россия, ожидавшая этого царского слова... «Да будет венчан на царство, кто будет более его достоин!» И вот каким неразгаданным, неопределенным словом одарил Великий несчастную, презренную Россию. И это слово было произнесено при ком? При том же не определенном пока Данилыче и при той же Катише, незадолго перед тем не без умысла коронованной! Слово это выказало Петра во всей его государственной или, лучше сказать, правительственной ничтожности; тут он выказал свое могучее «я» во всем отвратительном, укоризненном смысле. Явление, объясняющее чисто одно эгоистическое чувство в любви к России. Как человек, обнимавший все отрасли государственного управления, конечно, насколько они были доступны для его полуобразования, человек, который силился все вводить и упрочивать (все-таки по своим недозревшим понятиям), и этот самый человек не думал и не хотел думать об установлении и упрочивании монархического после себя престолонаследия. Такое упущение мысли мы объясняем его собственным развратом и чувством того презрения к Русским, которое, по несчастью, без правильной, законной передачи престола он умел передать и тем, которые случайно завладели на произвол брошенным им престолом.

Разврат его, как ни был он постоянно велик, превзошел все пределы, когда, не уважая ни себя, ни Русских, он взял Катишу в наложницы, а под конец сошелся с ней браком.

Человек, чувствуя за собой способности, как Сатурн, пожирать своих детей, должен был, хотя бы с целью предусмотрительности, взять женщину свежую, целомудренную, с силой производительной, а не развратную чухонку, переходящую из рук в руки его любимцев и не способную к деторождению. Он отходит, и нет ему наследника; наследника зарыли в могилу. Есть наследник прямой, но он мал и не поднять, и не нести ему выпадающего из охладевшей руки тяжелого скипетра. К тому же и обойти Катю, ту самую, которую хотел некогда казнить, но не имел духу и не имел также духу обречь ее на царство.

Глава 1. Любимая доченька

Пронзительный детский крик разорвал густую натопленную тишину мыльни, где решалась от бремени Екатерина, будущая жена царя Петра Алексеевича. Полутьма сеней словно осветилась изнутри, а наступающие сиреневые декабрьские сумерки за окном, казалось, помедлили несколько бесконечно долгих секунд.

– Девочка! Девочка, голубка наша, лапушка...

– Какое счастье... – Екатерина откинулась на подушки, набитые душистым сеном.

Одного этого движения ей бы раньше хватило, чтобы застонать от пронзительной боли. Раньше, но не сейчас, когда доченька появилась на свет. Так бывало и прежде, однако ныне ощущение оказалось особенно острым – вместо болей и слабости ее окутало облако теплой силы. Сейчас, ей казалось, она может все – и в хороводе круг пройти без усталости, а то и не один, и запеть во весь голос. А уж деточек-то от всех бед защитить – это просто само собой разумеется.

– Кричит-то так славно. Будто поет...

– Да, матушка, славное дитя, сильное.

«И слава богу, душа моя. Жизнь-то у нее, поди, не будет легкой, как бы мне сего ни хотелось. Не может быть простой жизнь дочери царя, не слыхивала история о подобном. Вот сил ей много и понадобится... Просто для того, чтобы жить да жизни радоваться...»

Старая нянька замолчала. Белокурая девчушка подняла глаза от немудреного рукоделия и спросила:

– Неужели вот так прямо матушка тебе все и сказала?

– Нет, птичка моя, она ничего не сказала, ни словечка. Я сама в глазах ее все прочитала. Материнские глаза, они говорящие. А вот те, первые мгновения, когда дитя рождено, они матерям всегда прозрение дарят. Словно за несколько минут видит мать будущее едва рожденного дитяти. Быть может, так оно и есть, и не забывается сие никогда, лишь откладывается в глубинах памяти. И спит там невеста сколько... Иногда до самой смерти. А иногда успевает предупредить мать о несчастье, что вот-вот с дитяткой-то произойдет. И ведь не обманывает ни разу! Уж сколько я такое видала... А все надивиться не могу.

Девочка пожала плечами. Слова-то няньки были ей понятны, но вот никаких струн в душе не задела. Однако запомнились отчего-то надолго.

После того разговора прошло несколько лет. Теперь с Лизеткой, как называл ее отец, чаще беседовали учителя, да и нянька стала уж совсем стара.

Учитель истории перешел к событиям совсем недавним. Пятеро его учеников – Анна и Елизавета, дочери царя Петра, и трое детей светлейшего князя Александра Меншикова, Александра, Мария и Александр, слушали наставника затаив дыхание. Вот уже второй год им преподавали историю великой страны, но пока речь шла о далеких событиях, вроде появления в пределах Руси варягов Рюрика и Синеуса, наследники великих фамилий вели себя, как любые другие дети, – шумели, проказничали, сбивали учителя пустыми вопросами не к месту.

Однако же Полтавское сражение, победоносная война со шведами – это было так недавно, что и историей назвать язык не поворачивался.

– И вот русская армия завершила победную полтавскую кампанию и торжественным маршем вступила в старую столицу, златоглавую Москву. Было это в день рождения принцессы Елизаветы.

Девочка широко раскрыла глаза.

– Да-да, именно в декабре 1709 года. Трудно описать, сколь красочным и величественным было это зрелище: извиваясь бесконечной змеей, по улицам Москвы двигались полки, под триумфальные арки входили усачи-победители непобедимого до той поры короля-викинга, реяли трофейные знамена, сверкали золотом носилки Карла XII, влача униженность своего положения, шли знатные пленные – генералы и придворные короля, за ними понуро плелись тысячи и тысячи солдат и офицеров.

Дети замерли – да, такое зрелище представить себе непросто. А уж понять, сколь грандиозной была сия виктория, могут лишь современники, ибо то было более чем яркое проявление таланта царя Петра и его военачальников, которых отчего-то напыщенная Европа всерьез никак принять не желала.

– Царь Петр, однако, деятельно распоряжавшийся всей церемонией, отдал приказ отложить на три дня вступление побежденных шведов в старую столицу и начал пир в честь рождения девочки, названной редким тогда именем Елизавет... Ибо перед самым началом сего шествия получил известие о благополучном рождении дочери.

Девочка, покраснев, кивнула. От сестры и няньки она уже слышала эту историю, должно быть, добрую сотню раз. И каждый раз краснела от гордости – ведь не каждый же отец способен так открыто и шумно радоваться рождению дочери. Хотя, впрочем, не у каждой девочки отец – царь.

– А теперь, отроки и отроковицы, возьмите в руки перья, да извольте на бумаге изложить события сей войны, да не забудьте указать дату, даже еже ли помните ее не вполне уверенно! И не подсматривать мне!

Дети углубились в работу, а наставник их, вполглаза наблюдая за учениками, отошел к окнам и погрузился в размышления о судьбах мира грядущего и о том, какую непомерно важную роль в сих судьбах значат его усилия.

Конечно, размышляя о себе, он размышлял и о своих учениках и ученицах. Тщеславие или просто желание оставить свое имя в веках заставляли его рассматривать своих подопечных невероятно пристально, словно в этих детских лицах тщился он увидеть лики выросших своих учеников, предугадать, кто и кем станет.

Дочери Петра и Екатерины, конечно, выйдут замуж в далекие страны, соединив узами родства непримиримых врагов или давних союзников. Дочерям Меншикова столь высокое предназначение заказано, но ежели они соединят враждующие семьи в стране, должно быть, и жизнь свою проживут не зря... А кем станет Александр Меншиков-младший, увы, предугадать почти невозможно. Ведь отец-то его выбился в люди из самых что ни на есть низов. А вот что уготовано сыну...

Должно быть, учитель весьма бы порадовался, узнав, что Александр Александрович Меншиков сделает блестящую карьеру при дворе, дослужится до генерал-аншефа, первым известит жителей Москвы о восшествии на престол Екатерины Великой и продолжит род отца еще на долгие сто пятьдесят лет.

Однако, увы, сейчас всего этого никто знать не мог. Да и трудно было угадать в мальчишке, исправно скрипящем пером, будущего блестящего офицера и человека почти энциклопедических знаний.

Да и с будущим дочерей Петра все оказалось далеко не так просто и однозначно. Детство и юность Елизаветы и Анны прошли в Москве и в Петербурге. Девочек воспитывали вместе – ведь Анна родилась всего на год раньше. Отец Анны и Елизаветы почти все время был в разъездах, мать нередко его сопровождала. Дочерей царя опекали младшая сестра Петра, царевна Наталья Алексеевна, и супруги Меншиковы – сподвижник царя-реформатора светлейший князь Александр Данилович и его жена Дарья.

Однако было бы совершенно неразумно утверждать, что царь Петр забыл о своих дочерях. О, нет. Он писал подробные письма чете Меншиковых, а те обязаны были ему еже-

недельно сообщать о девочках, их успехах и забавах. Более того, Екатерина, которая была весьма нетверда в письме, а по утверждению злых языков, так и вовсе безграмотна, специально брала уроки, чтобы письма о дочерях читать самостоятельно. Надо ли говорить, как рада была она любой весточке о своих малышках? Нетрудно представить, какая радость окутала ее душу, когда она прочитала письмо, написанное Аннушкой собственноручно. Елизавета, конечно, тогда к письмам старшей сестрицы могла прибавить немного, но даже обведенная пером маленькая ручка, можно заключать любое пари, была многократно приложена к губам любящей царицей.

Да и царь Петр, суровый, резкий, безжалостный, занятый добрым десятком важных дел одновременно, преображался при одном упоминании о дочерях. Называя дочерей только Аннушкой и Лизанькой, он журил их и поощрял, обещал гостинцы за самые мелкие успехи и, конечно, держал свое слово. Заботливый, даже временами слишком опекающий, таким он был только для своей семьи – обожаемой Екатерины, «Катеринушки», и дочерей, коих почитал настоящими ангелами, дарованными ему на земле для поощрения его жизненных сил.

Любовь отца девочки ощущали с первых дней жизни. И даже громкие, важные для огромной страны события не происходили без них. Так было и 9 января 1712 года. Первый для Елизаветы выход в свет для империи был очень громким событием – в этот день царь Петр Первый венчался с Екатериной Алексеевной, матерью Аннушки и Лизаньки. К сожалению, дочери царя были детьми внебрачными, а значит, для монархических целей отнюдь не фигурами – брать в жены внебрачную дочь даже трижды великий царь или король не стал бы и на эшафоте.

Вот поэтому девочки – одной было два, другой три года, – держась за подол матери и едва дыша от усердия, обошли вокруг аналоя вслед за родителями. Так церковь признала законность детей, а стало быть – дети от сего мига были признаны и светом. Они становились «привенчанными», законными и правоспособными.

К сожалению, эта церемония в будущем не спасет Елизавету от заочных укоров в незаконности ее происхождения и – соответственно – в отсутствии у нее прав на российский престол. Причем эти укоры звучали как из-за границы, от иноземных королевских дворов, так и от российских подданных, которые считали, что древность их рода дает им право выносить суждения о законности или незаконности восшествия на престол.

Всех царских детей начали обучать грамоте весьма рано. Различия никакого не делалось – и девочки и мальчики должны были равно хорошо знать и русский язык, и языки иноземные. Любящий батюшка, царь Петр писал Елизавете и Анне милые смешные записочки, впрочем, не особо питая надежду получить ответ. Екатерина, сопровождавшая Петра в походе, просила Анну «для Бога потщиться: писать хорошенько, чтоб похвалить за оное можно и вам послать в презент прилежания вашего гостинцы, на что б смотря, и маленькая сестричка также тщилась заслужить гостинцы». В тот год Анне было восемь, а Елизавете почти семь лет.

И обе девочки, и их младший брат Петр обладали живым и проницательным умом. Они преотлично понимали, кто их отец... Да и вполне отчетливо осознавали, кто они сами. Они – дети великого Петра Первого, царя, которому не было равных в истории. Царя, сделавшего для огромной империи более чем много. А потому им просто не по чину быть ленивыми, почитать на лаврах и, уж стыд-то какой, не стать первыми в любой науке.

Что бы ни говорили злые языки (ох, как же часто приходится их упоминать!), дети были весьма пытливыми, любознательными и с удовольствием учились. Подлинные учителя их обожали, ценили оказанную им честь. Именно наставник истории, близкий родственник фельдмаршала Миниха, представил двенадцатилетнюю Елизавету своему дядюшке.

Вот подлинные слова этого господина (скажем честно, его менее других можно заподозрить во лживости или своекорыстии): «Она ... хорошо сложена и очень красива... полна здоровья и живости, и ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом за ней поспевали, уверенно чувствуя себя на прогулках верхом и на борту корабля. У нее был живой, проницательный, веселый и очень вкрадчивый ум, обладающий большими способностями. Кроме русского она превосходно выучила французский, немецкий, финский и шведский языки, писала красивым почерком».

Недурно, верно?

Во всяком случае, и мать, и отец успехами своих детей были довольны. Они устраивали девочкам шумные веселые праздники, на которых веселились и сами. В тот же год, о котором уже было упомянуто, в год двенадцатилетия Елизаветы, ее признали совершеннолетней. От сего мига она могла считаться полноправной принцессой крови и становилась невестой на выданье.

О, какую церемонию устроил любящий Петр Первый по этому поводу! Фейерверк, пир далеко за полночь... Царь собственноручно срезал с белого праздничного платья дочери крошечные крылышки. Когда же отец Феоктист попытался укорить «царя батюшку», указавши, что обычай сей вовсе не православный, а, быть может, даже поганный, к языческим корням восходящий, Петр только расхохотался.

– Ох, да пусть берет начало хоть от антиподов! Смотри, глупый поп, как дети-то радуются!

Дети, конечно, радовались. Подслушавшая эти слова Елизавета про себя улыбнулась. Уж она-то радовалась не только признанию своей «взрослости», но и тому, что родители вместе с ними, детьми, веселятся, что в кои-то веки поводом для шумного веселья стали не военные или политические победы, а победы семейные.

Цесаревна (так отныне ее будут величать долгие годы) с любопытством взглянула в глаза французского посланника при русском дворе Жана Кампредона. Она знала наверняка, что все посланники суть лазутчики и что, расточая приятные улыбки, все они в уме составляют лживые и весьма язвительные письма своим монархам. Наверняка и этот напомаженный хлыщ в изумительном камзоле и напудренном парике не столько присутствует на празднике, сколько явился именно для того, чтобы в следующем своем послании излить на нее, сестру и родителей как можно больше яда и лжи.

Как велико было бы удивление Елизаветы, если бы она смогла прочесть то письмо. Кампредон после обязательного отчета от своих шпионов при дворе и Канцелярии тайных дел перешел к описанию праздника и личности цесаревны. Его слова были (для иноземца и лазутчика, разумеется) весьма и весьма лестны: «Принцессу я нахожу очень милой и прекрасно сложенной. Церемония сия означает, что принцесса вышла из детства, и досужие политики выводят отсюда разные заключения относительно брачных партий... Елизавета не уступает в изяществе старшей дочери императора – Анне Петровне. Она же, тут я не нахожу иных слов, красавица собою, прелестно сложена, умница... Если мой король позволит мне такое легкомысленное замечание, то она станет не только достойной женой для любого монарха, но и любимой и желанной его женою...»

Сестры-цесаревны, дочери цесаря-императора, бегло говорили по-французски, по-итальянски, по-немецки, разбирались в музыке, танцевали, умели одеваться, знали этикет. Они действительно были достойны самых блестящих партий. Скорее, чуть не так, – их был бы достоин любой европейский двор, даже изысканный французский. А если еще присовокупить подаренную Богом ослепительную красоту, стать, гордость...

Королева, французская королева – и не меньше! Именно такую судьбу готовил Петр своей средней дочери Елизавете (к этому времени родилась еще Наталья). Царь писал русскому посланнику во Франции князю Долгорукому, что, будучи в Париже, говорил матери

короля Людовика «о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за среднюю, понеже равнолетна ему... Однако пространно, за скорым отъездом, не удосужились, которое дело ныне вам вручаем, чтоб, сколько возможность допустит, производили». Если же вдруг французы заартачатся, что единственным из принцев, кроме Людовика Пятнадцатого, который достоин руки дочери, Петр готов назвать принца Луи-Филиппа Шартрского – ближайшего родственника французского короля.

И вот тут на пути Елизаветы появилась первая, но весьма ощутимая кочка. Царь дочь обожал, желал для нее блестящей партии, но совершенно позабыл, сколь сильны сословные соображения в старинных властительных домах. Пусть дворец твой стар, пусть все достоинство страны лишь в ее старинном имени, но невозможно, недопустимо, немыслимо наследнику взять в жены незаконнорожденную дочь!..

Князь Долгорукий версальскому двору слова царя, конечно, передал. И передал обратно письмо некоего чиновника, которое заставило царя захлебнуться гневом. Вот что писал француз: «Брачный союз, от коего произошли принцессы, которых царь теперь желает выдать замуж, не заключает в себе ничего лестного, и говорят даже, что младшая из этих принцесс, та, которую могут предназначать для герцога Шартрского, сохранила некоторые следы грубости своей нации».

– Что это за писулька, прости господи? – гремел Петр, потрясая изящным светло-лиловым листком с печатью перед окаменевшим Кампредоном. – Кто этот мозгляк, что осмелился подобные слова в адрес великой страны писать? Кто он?

Французский посланник, чуть склонившись в поклоне, отвечал, что не знает автора чинушу. Более того, думает, что все столь грязные слова пришли ему на ум исключительно из-за полного незнания ни прекрасной России, ни замечательной цесаревны.

– Принцесса Елизавета по себе особа чрезвычайно милая. Ее можно даже назвать красавицей ввиду ее стройного стана, ее цвета лица, глаз и рук. Недостатки, если таковые вообще есть в ней, могут оказаться лишь в воспитании и в манерах...

– Что?!

– ... ибо сие свойственно всем юным особам, увы, мой царь, тут не следует сердиться попусту!

Петр махнул рукой и опустился в кресло. Он принимал французского посланника в малом синем кабинете. Должно быть, этот холодный цвет слегка успокоил царя. Во всяком случае, настолько, чтобы выслушать Кампредона до конца... И только потом решить, что делать дальше.

– Кроме того, принцесса, по общему, не моему собственному, мнению, очень умна. Следовательно, если и найдет придирчивый глаз в ней какой-нибудь недостаток, его можно будет исправить, назначив к принцессе, если дело сделается, какую-нибудь сведущую и искусную особу.

– Если?.. Да как... – И опять, к счастью, у Петра хватило сил сдержаться.

– Возможно, что я подпал под обаяние чар, которыми обладает прекрасная принцесса Елизавета, но все же замечу, что я отнюдь не простодушен или наивен и прекрасно знаю, что может обрести французский двор с женитьбой наследника Людовика на принцессе. Равно как и знаю, что он может потерять, ежели такой брак все же не состоится... Могу лишь сказать, что не кажущаяся грубость манер есть причина столь суровой отповеди нашего двора, что причина, уж не обессудьте, в том, что дитя было привенчано...

Царь молча кивнул. Бесспорно, он был весьма силен, однако в одиночку бороться против надменности старых традиций мог не вполне.

Однако отчаиваться все же не следовало – в политике никогда не говорят «нет», и даже сказанное «нет» вовсе не означает окончательного отказа. Значит, следовало еще раз побеседовать с кем-то повыше умницы Кампредона, возможно, еще раз побывать в прекрасном

Версале, дабы убедить французских королей, что лучше невесты, чем дочери России, дочери его, Петра Великого, им не найти.

«И то – ежели задуманное удастся лишь наполовину, ежели выстроится огромная шахматная партия, фигурами коей будут и мои доченьки, и наследники многих престолов, то на голову принца Шартрского Луи-Филиппа, сына регента Франции Филиппа Орлеанского, опустится польская корона, а рядом с ним на трон воссядет королева Польши Елизавета, дочь Петрова...»

Из «Записок декабриста» А. В. Поджио (1830)

«Пусть, – сказал он, – венец достанется достойнейшему». И сколько в этих словах все того же прежнего Произвола. Во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного произвольным случайностям, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть преследований, ссылок и казней, ознаменующих всякое воцарение. С этой поры началась, как мы видели, постыдная эра женского правления, исполненная безнравственных примеров, столь омерзительных, сколько и пагубных для государства. С этой поры начал входить в состав высшего правительственного слоя целый ряд временщиков, получавших свое значение в царских опочивальнях. Число этих вводных лиц возрастало с каждым царствованием и наконец образовало поддельный класс той аристократии, богатство которой служит свидетельством, до какой степени допускалось грабительство и расхищение народного достояния. Так чувство презрения Петра к Русским переходило по наследству к каждому преемнику с возрастающей силой, и мы видим, до чего оно доходило в царствование Екатерины, второй по имени, но шестой по своему полу. В жизни народов есть такие явления, которые никак не подходят под какое-нибудь приложение такого или иного исторического начала. Спрашивается, каким образом мог вторгнуться, без всякой естественной причины, этот являющийся вовсе новым небывалый женский элемент в неперменном условии вводимого управления? Ужели это была варварская случайность или же обдуманная система государственными людьми того времени? Шесть сряду правительниц царят в течение почти целого века, и каждая из них при особенных обстоятельствах произвольно возводится на престол и при соблюдении условленных приличий будто бы закона заведывает государством! При таких непрерывных случайностях, при таком отсутствии всякого законного права на престол можно спросить себя (конечно, не их): нет ли тут навешивания польского духа и престол Русский не обратился ли в престол избирательный? И, проследя этот жалкий факт в шести позорных картинах, не вправе ли каждый отчасти мыслитель прийти к этому заключению? Избирательный престол (положим, хотя бы и входило это начало своекорыстных временщиков, вельмож того времени), но где же те условия, которые освящают избрание? Петр вымолвил – достойнейшего после себя: но кто же будет определять это достоинство и кому передал он это право? Ужели все тот же всеильный грабитель Данилыч, человек, которого он дважды судил, засуживал, за все прощая, ужели, говорю я, он, Меншиков, будет один решать, кому быть? И кому же и не быть, как не той же опять Екатерине! Вот на чем остановилась, конечно, предсмертная мысль Петра. Его презрение к Русским не пошатнулось в нем и в последний, торжественный час его жизни. Он знал Русских, знал в этот момент и себя! Не имея ни воли, ни духа гражданского, он сложил с себя гласную ответственность перед потомством и дело порешил на смертном одре. Тут Питер, Катиша и Данилыч в этом навсегда позорном триумвирате (это таинственное число имеет всегда поверхностный и временный успех) условились, чему быть и кому быть, и тихо, и быстро! И бедная Россия, со введением начала ничем не узаконенного избирательного престола, подверглась испытанию тех нравственных потрясений, которые так тяжело, так безотчетно отзывались на ее общественный быт. И разве Петр не мог отвратить этого зла? Разве не было у него внука, и если он находил его малолетним, то не мог ли он назначить ему соправителей? Если он и тут затруднялся, разве не было у него Синода и Сената и достаточно государственных чинов, на которых он должен был возложить обязанности такого назначения или же назначить временного, до совершеннолетия внука, соправителя? Нет, не стало, как говорится, Петра на такое дело, и Русские, истинно Русские, давно заклеили должными порицаниями – между прочим, и действиями – и действие, по счастью, последнее его жизни. Петр был уже невыносим

для России; он слишком был своеобразен, ломок, а, пожалуй, говоря односторонне, и велик. Велик! Но не в меру и не под стать; он с Россией расходился во всем; он выражал движение, другая же – застой. За ним была сила, не им открытая и созданная, а подготовленная, и он ее умел усилить к окончательному поработлению. Преобразования его не есть творчество вдохновительной силы, которая истекала бы из него самого. Нет, он не творитель, а подражатель и, конечно, могучий; но как подражатель полуобразованный и вместе полновластный, введенные им преобразования отзываются узким, ложным воззрением скороспелого государственного человека! Впечатлительный, восприимчивый и нося в себе, неоспоримо, все зачатки самобытного призвания, он не мог, при азиатской своей натуре, постигнуть истинно великое и ринулся, увлекая за собою и Россию, в тот коловорот, из которого и поднесь не находится спасения! Так глубоко запали и проросли корни надменной иноземщины. Способность его подражательности изумительна. Настойчивость его воли придавала ему силу исполнения, и мы видим, как все приемы его были и решительны, и объемны; но вместе с сим мы чувствуем, насколько его нововведения были и насильственны, и не современны, и не народны. Не восстанут ли теперь так гласно, так ожесточенно против так называемой немецкой интеллигенции, подавляющей русскую вконец? А кто же выдумал немцев, как не тот же Петр? Не он ли сказал: «Придите и княжите, онемечьте Россию, и да будет вам благо!» И подлинно, на первых же порах за княжил Остерман (вполне острый ман) и давай играть русским престолом и судьбами России! Тут же вскоре и Бирон, но этот уже не за княжил, а за царствовал и давай Русских и гнуть, и ломать, и замораживать целыми волостями, выводя их босыми ногами на мороз русский! Чего вы, мои бедные Русские, не вынесли от этих наглых безродных пришельцев! Но пришельцы эти были вызваны, водворены (они все были бездомные) великим преобразователем для затеянного им преобразования. Но что это за звание или призвание преобразователя? Есть ли это высокое вдохновение, свыше данное собственно лицу, отделившись от человечества, или же это есть обязанность, назначение каждого, отдельно взятого, из царской касты, вступающего на престол? Что касается до меня, то, не вдаваясь ни в какие догадочные умозаключения относительно преобразователей заморских, я, не выходя из пределов наших и основываясь на выводах исторических, чисто русских, скажу, что дух преобразовательный обнимает не одно лицо в силу каких-нибудь предопределений, а каждую и каждого, появляющегося на царство.

Петр Первый заявил себя ломким преобразователем, первый имел эту манию, и мания эта же, не с такой силой, конечно, стала занимать, волновать, обуревать всех последовавших ему венценосок и венценосцев! Нет ни одной, ни одного из них, который бы не задумал себя показать и хоть чем-нибудь да прославить себя, конечно, не расширением прав народных, но расширением собственных своих в виде изменения одного другим! Проследите повествования наши, за исключением обычного указа о возвращении сосланных в Сибирь, о прощении недоимок и о перемене, конечно, не формы правления, а формы мундира, вы усмотрите ряд изменений, назначений, наград и весь этот деятельный шум и треск, сопровождающий всякое новое царство. Такая мания одинаково будет действовать, в большем или меньшем размере, в увеличивании налогов, а главное – пределов империи. Таким образом, все они, волей или неволей, и преобразователи, и завоеватели. Достойные, право, люди исторической памяти! Но для них не настало время истории.

Итак, Петр заявил себя неуклонным, упорным преобразователем! Но что же вызвало и навело его на такое сложное и трудное поприще? Вопрос естественный и крайне любопытный, но, признаюсь, не входящий в мое исследование. Здесь надобно бы призвать на помощь и самую психологию, она же оставалась для меня всегда какою-то *terra incognita*, и потому не нахожу надобности зарываться в глубь этого человека. К тому же весь он и дела его налицо! Из таинственных причин, подействовавших на его впечатлительный ум, есть все-таки одна сторона, оставшаяся как бы не выслеженной, а именно: первоначальные,

заронившиеся в нем религиозные зачатки. Как человеку исключительно властолюбивому, патриарх ему мешал, и он заранее думал и мечтал об уничтожении такого равносильного ему явления. Меня всегда приводило в раздумье, какая мысль влекла его в Саардам, почему он, слагая с себя императорский сан, превращается вдруг из Романова в Михайлова. Почему этот неуч, не жаждущий науки, взялся за топор, а не за книгу? Ведь он в Голландии, под рукой Гаага, и Лейден, а также Амстердам, средоточие тогдашнего движения умов; там гремели уже учения нового права, там... но он не ищет пера, а ищет секиру и находит ее. Но что это за пример смирения в этом Михайлове, изучающем плотничье мастерство? Не так ли заявил себя и плотник Назаретский? Нет ли тут искренней, чистой религиозности и не увидим ли мы в нем нового пророка или последователя Христа? Да, он заявит себя пророком, и долго, долго пророчество его будет служить путеводною звездой для его преемников. Да, он предрек падение патриарха и сам своевластно заменил его и силою собственного указа признал себя главою церкви! Таким образом, он подчинил не свободную, а раболепную церковь государству не свободному, а раболепному. Таким образом, русское духовенство утратило навсегда право на приобретение возможности влияния на общество и осталось так же невежественно, как оно было и как сие и требовалось.

Спрашивается, какое же могли иметь влияние пастыри такого рода на паству в отношении нравственного, христианского преуспеяния? Ничтожно, неподвижно и безответно стоит и по сию пору духовенство. И нет его в час нравственного распада, или же невзгоды и общего горя. Но цель достигнута: духовенство не вызывает опасения, двигателей против единодержавия и одним врагом меньше для него. Впрочем, допуская невежество, слитое с суеверием и фанатизмом, конечно, такие меры более чем необходимы; но при духовном образовании, освещенном духом истинного христианства, найдется в нем не помощь, а целая сила для поддержания разлагающегося чисто общественного организма.

Из письма Петра Первого Екатерине в Москву

«Большую хозяйку и внучат нашел в добром здоровье, также и все – как дитя в красоте разтущее, и в огороде (то есть в Летнем саду) повеселились, только в палаты как войдешь, так бежать хочетца – все пусто без тебя: адна медведица ходит, да Филипповна, и ежели б не праздники зашли, уехал бы в Кронштат или Питергоф».

Из письма графа Басевича о Екатерине Первой

«Она имела власть над его чувствами, власть, которая производила почти чудеса. У него бывали иногда припадки меланхолии, когда им овладевала мрачная мысль, что хотят посягнуть на его особу. Самые приближенные к нему люди должны были трепетать тогда его гнева. Припадки эти были несчастным следствием яда, которым хотела отравить его властолюбивая его сестра София. Появление их узнавали у него по известным судорожным движениям рта. Императрицу немедленно извещали о том. Она начинала говорить с ним, и звук ее голоса тотчас успокаивал его, потом она сажала его и брала, лаская, за голову, которую слегка почесывала. Это производило на него магическое действие, и он засыпал в несколько минут. Чтобы не нарушать его сна, она держала его голову на своей груди, сидя неподвижно в продолжении двух или трех часов. После того он просыпался совершенно свежим и бодрым. Между тем, прежде нежели она нашла такой простой способ успокаивать его, припадки эти были ужасом для его приближенных, причинили, говорят, нескольких несчастий и всегда сопровождалась страшной головной болью, которая продолжалась целые дни. Известно, что Екатерина Алексеевна обязана всем не воспитанию, а душевным своим качествам. Поняв, что для нее достаточно исполнять важное свое назначение, она отвергла всякое другое образование, кроме основанного на опыте и размышлении».

Глава 2. Золушка с приданым

Итак, царь Петр выстраивал шахматную партию, кроил Европу по своему разумению. Выстраивал, однако понимал, что задуманное-то может и не осуществиться – шахматы тем и отличаются от людей, что гонору и спеси не имеют. И потому еще три года назад пригласил Петр Великий в гости голштинского герцога Карла Фридриха. В гости-смотрины, как жениха своей дочери.

Говоря по чести, пригласить-то пригласил, жениха-то жениха, но вот какую из дочерей отдать – еще не решил. И три года маялся (как, впрочем, умеют маяться и невыразимо страдать только герцоги да графы при царских дворах) неизвестностью рекомый Карл Фридрих, методично раз в месяц посылая Петру вопрошение – какая же из дочерей, Анна или Елизавета, станет его женой.

Три года Петр колебался, хотя голштинцы все настойчивее требовали, чтобы сия коллизия была им разъяснена как можно полнее и скорее. И на то у них были весьма и весьма веские, как им казалось, причины – маленькая, но гордая Голштиния, мечтавшая вернуть свою провинцию Шлезвиг, отнятую у герцога Данией еще пятнадцать лет назад, очень нуждалась в поддержке России. Подобная поддержка, конечно, могла быть выстроена и долгими дипломатическими усилиями. Но сие трудный путь, а вот женить молодого герцога на одной из дочерей царя куда как проще. И тут нашла коса на камень... Ежели, конечно, так можно описать отношения весьма уважающих друг друга стран: с одной стороны, Петр боялся продешевить, а с другой – не хотел расставаться с одной из любимых дочек. Вот поэтому он тянул с окончательным решением и лишь незадолго до смерти решил, что за голштинского герцога следует все же отдать, как и полагается, старшую дочь, Анну.

Елизавета и Анна, конечно, были всего лишь девушками, то есть, по мнению эпохи, существами не вполне здравомыслящими, да к тому же дочерьми царя, то есть существами донельзя избалованными и своенравными (согласно мнению той же эпохи: ну разве может быть принцесса разумной и благовоспитанной, послушной и любящей девушкой?). Так вот, дочери царя все это прекрасно понимали и были согласны стать, если можно так сказать, разменной монетой в большой политике отца. Ведь они его любили и прекрасно понимали.

Но и родители принцесс, Екатерина и Петр, властители огромной страны со многими верными политическими соображениями, оставались все теми же любящими родителями: им и больно было расстаться с дочками, даже во имя великой цели, и жалко девочек, ведь подобные браки строились отнюдь не на любви. Вернее, совершенно не на любви.

Вот поэтому Елизавета и Анна вовсе замуж не стремились. А родители, любящие их, как и положено нормальным, обычным, не венценосным родителям, старались их не принуждать.

Петр изменил свое решение после разговора, который завела с ним принцесса Анна.

После долгого отсутствия царя наконец в Летнем дворце семья собралась за ужином. Обычно за едой о делах не говорили, старались найти добрые, домашние темы. Но сейчас все же следовало эту привычку оставить: Карл Фридрих решил заговорить о женитьбе с самой Анной, нанеся ей вполне официальный визит.

Девушка такому визиту удивилась, конечно, но виду не подала. Она, не перебивая, выслушала голштинца, потом минуту помолчала, размышляя. А потом объявила, что сегодня же за ужином спросит у папеньки окончательного решения, которое со всей возможной скоростью будет передано и «любезному Карлу Фридриху».

Голштинец усмехнулся этим словам: он-то еще не знал, сколь решительна Анна и как уважает она собственное слово. Усмехнулся и откланялся. А девушка, посоветовавшись, конечно, с сестрой и матерью, все же решила не откладывать разговора до лучших времен.

Подали рыбу. Ко второй перемене блюд обычно подавали и вино, однако лакеи, повинаясь знаку Анны, не сделали ни шагу – принцесса была настроена весьма решительно.

– Папенька... – Анна бросилась в разговор как в омут. – Господин Карл Фридрих, уважаемый и вами и всеми нами голштинский герцог, уже скоро три года как гостит у нас. Ни для кого не секрет, что он избран женихом одной из ваших дочерей. Наталья еще мала, так что речь, думается, идет лишь обо мне или Лизаньке...

Петр поднял на дочь глаза. Та была необыкновенно серьезна – и ее настроение тут же передалось отцу. Он отложил позолоченный прибор и молча кивнул. Девушка продолжала:

– И почтенный голштинец, и мы обе прекрасно понимаем, что сей брак суть брак политический, что о чувствах речь не идет изначально. Более того, и я, и Лизанька с младых ногтей знаем, что таков удел дочери царя – брак всего лишь политический. Мы знаем это и готовы к этому. Так скажите же, добрый наш батюшка, кому следует готовиться к свадьбе, с кем из ваших дочерей вы расстанетесь первой?

«Моя дочь... – с удовольствием и гордостью подумал Петр. – Моя, кровная. Сильная и решительная. И страшно ей, и волнение душит – а вот поди ж ты, голос не дрожит, глаза ясные, взирают спокойно... Ну что ж, ты об этом заговорила, тебе первой и ответ держать...»

Приняв молчание отца за колебания, Анна продолжала:

– Не секрет, что кроме голштинца наших рук взыскуют и ваши, папенька, подданные. И при этом тоже о чувствах речь не идет – пройдоха ваш вице-канцлер Андрей Иванович Остерман посчитал бы весьма мудрым, если бы вы, папенька, выдали Елизавету за сына покойного царевича Алексея Петровича, великого князя Петра Алексеевича. Пусть он на шесть лет младше Елизаветы, однако Андрей Иваныч опасается, что, буде что-то случится с вами, первая ваша семья, о которой и говорить-то не принято, будет и вовсе упечена в острог.

Петр кивнул – он тоже знал об этом прожекте Остермана. Знал и неоднократно высмеивал – ведь Петр приходился Елизавете родным племянником.

Однако вице-канцлера сие не смущало – в Португалии-де и Австрии подобные браки родственников вполне обычны. Да и во всей Европе на столь возмутительные кровосмесительные союзы смотрят сквозь пальцы. Ибо что может быть важнее государственных соображений?

Знал Петр и то, что Остерман был уверен: только такой брак защитит его первую семью. Знал и даже не пытался вице-канцлера переубедить: Андрей Иваныч, преданный царю как собака, все равно бы его обещаниям не поверил – такова уж была его должность.

– Так вот, папенька, сейчас здесь только мы, ваша семья. Нет ни посторонних ушей, ни хитроумных советчиков. Мы с Лизанькой просим, умоляем – примите уж хоть какое-то решение. Пусть осуществление оно будет нескоро, мы готовы ждать. Однако томиться неопределенностью во сто крат тяжелее. А считать себя невестой сопливого Петра, простите, папенька, просто унижительно...

Петр поднял ладонь, останавливая дочь. Уже год длились переговоры с французами, переговоры пустые. Надменный Версаль отговаривался молодостью короля Людовика XV и явно чего-то выжидал. А Карл Фридрих действительно томился неопределенностью, да и девочки тоже.

– Аннушка, дитя мое, угомонись. Менее всего мне желаю, чтобы вы с сестрой считали себя несчастными сказочными принцессами, обреченными влачить жалкую судьбу при дворе постылого супруга... Так, кажется, в сказках обычно говорится?

Девушка усмехнулась – умен отец, умен и насмешлив...

– Так вот, дитя, на дворе, слава Богу, век просвещенный. Никто вас неволить не хочет и заставлять приносить себя в жертву не собирается. Прежде чем дать тебе ответ, я расскажу, какие планы я лелею и отчего молчу столь долго.

Петр все же не собирался раскрывать дочерям все карты. Однако решил, что некоторая толика откровенности отнюдь не повредит – тем более что принуждать дочерей к унижительному браку и в самом деле вовсе не намеревался. Тем паче что французы, несмотря на всю свою спесь и все свое молчание, все же рассматривали Елизавету как вполне достойную невесту для Людовика, правда, после инфанты испанской, которая была и моложе короля, и не уступала ему древностью рода. Однако Версаль молчал, а решение принимать следовало побыстрее.

– Ты права, Аннушка, пребывание Карла Фридриха непозволительно затянулось. О браке с Петрушей, моим внуком, и речи не может быть ни для одной из моих дочерей, это уж просто насмешка и надо мною, и над царской фамилией. Разве вы, буде со мною что-то случится, позволите свершиться несправедливости? Разве достанет у вас мужества упечь в острог родного племянника?

Девушки переглянулись – по их лицам было преотлично видно, что о подобном они не задумывались. Мысли о семье Лопухиных вряд ли вообще тревожили их разум.

– Вижу ответ на лицах ваших, дети мои. А потому слушайте же мою волю. Ты, Аннушка, станешь невестой Карла Фридриха и еще до наступления зимы я, ежели Господь позволит, обвенчаю вас. А ты, Лизанька, уж подожди немного – о тебе мы думаем не менее, чем о твоей сестре. Однако решение твоего будущего еще впереди. Довольна ли ты, Анна?

– Благодарю, папенька...

Голос девушки был еле слышен, губы дрожали. Оно и понятно: вот так в одночасье стать невестой, да еще и узнать, что свадьба вовсе не за горами.

Петр улыбнулся – он отлично дочь понимал, и мысли ее знал, как собственные. Екатерина, что сидела напротив, лишь несколько раз молча кивнула – о чем спорить с мужем, особенно ежели он стократно прав?

Верный своему слову, Петр вскоре Анну женил. О судьбе этого брака мы еще упомянем, и неоднократно. А сейчас вновь вернемся к судьбе Елизаветы, которая не определилась стараниями отца, а позже, после смерти Петра Первого, не стала яснее и стараниями матушки, императрицы Екатерины Алексеевны.

– Нет, сие немислимо... – все чаще повторяла Елизавета. – Это не замужество, а продажа унижительная. Токмо продаюсь не я, а продаются мне. Я словно Золушка с приданым – денег много, толку мало.

Елизавета после смерти матери получила в наследство более миллиона рублей и годовое содержание сто тысяч рублей за передачу права престолонаследия Петру. Личное имущество Екатерины Алексеевны – драгоценности, мебель, экипажи и столовое серебро – Анна и Елизавета поделили между собой.

Уже было объявлено об обручении Елизаветы и назначена дата свадьбы. Однако тут вновь вмешалась коварная судьба (ох, частенько мы ее вспоминаем... однако нечему удивляться – в жизни венценосных персон она играет такую же роль, как и в жизни простых смертных и подданных) – и многочисленные матримониальные проекты, скорее прожекты, с той поры заставляли цесаревну только отрицательно качать головой.

Проклятый 1727 год все не кончался. Русский двор, теперь принадлежавший Петру Второму, сменил стылый Санкт-Петербург на теплую патриархальную Москву – юный император освободился от назойливой опеки все того же Меншикова и вкушал прелести жизни и царствования самодержца российского.

Вот здесь, в Москве, уже в начале зимы и разнеслась скандальная сплетня о романе императора и его красавицы тетушки. И небезосновательно, смеем заметить, – Елизавете-то, пусть и тетушке, едва минуло восемнадцать. А пятнадцатилетний Петр Второй, статью пошедший в деда, выглядел ничуть не моложе цесаревны, а вел себя так, словно ему и поболее было.

В компании своего распутного фаворита князя Ивана Долгорукого юный царь уже многое видели, многое испытал. А Петр и Елизавета вскоре стали почти неразлучны.

Как-то раз на охоте испанский посланник герцог де Лириа прошептал на ухо посланнику британского двора, милорду Рондо:

– Более всех юный император доверяет принцессе Елизавете, своей тетке, которая отличается необыкновенной красотой... Да-да, вы видите ее по правую руку Петра. Думаю, его расположение к ней имеет весь характер любви.

Тот, не отрывая взгляда от царственной пары, резвящейся в снегу, отвечал:

– У императора и цесаревны много общего – оба, думается, изрядные прожигатели жизни и без ума любят развлечения: праздники, поездки, танцы, вижу, что и охоту.

– Русские, – продолжал де Лириа на ухо соратнику, – боятся большой власти, которую имеет над царем принцесса Елизавета: ее ум, красота и честолюбие настораживают всех...

Рондо кивнул – ему, как никому другому, была видна цель, которую поставила перед собой Елизавета. Хотя и самые опытные посланники старинных королевских дворов вовсе не свободны от иллюзий и заблуждений... Первым вскочил император, подал девушке руку и, стряхнув снег, помог устроиться в седле. Кони понесли. И оба посланника не без зависти наблюдали, как два изящных наездника на великолепных конях летят по заснеженному полю...

Насколько долго продолжалась эта дружба и как далеко зашла, увы, неведомо никому, кроме, быть может, лакеев личных покоев. Однако они, такова уж их должность, отлично умеют хранить тайну.

К тому же Елизавета достаточно рано поняла значение своей необыкновенной красоты, поняла, что завораживает мужчин одним своим взглядом. И, конечно, не стала отказываться от оружия столь страшной убойной силы.

Фаворит Петра, князь Долгоруков, не мог соперничать с императором, однако все же попытался заманить Елизавету в свои сети. Когда же понял, что из этого ничего не выйдет, стал разжигать ревность и в царе, и в цесаревне. Для этого он ввел в круг самых близких императору лиц свою сестру, Екатерину Алексеевну. Юный царь мгновенно влюбился в девушку. Однако Елизавету сия, похоже, совершенно не задело – она была все так же мила и с племянником, и с его пассией.

Тогда князь решил удалить Елизавету от двора, ославив ее перед царем и обществом. И избрал для этого Александра Борисовича Бутурлина – красавца камергера двора Елизаветы. Общество, которое и без того было уверено, что Бутурлин близок к цесаревне, скверной сплетне не поверило, и князя Долгорукова подняли на смех. А Бутурлин, к тому же, вызвал некогда близкого приятеля на дуэль.

Чтобы замять скандал, Елизавета сочла за лучшее отправить камергера подальше от Москвы, в армию, стоявшую на Украине. А сама окунулась в омут светской жизни при дворе еще глубже. Говорили, что она не поехала на похороны любимой сестры Анны именно из-за очередного сердечного увлечения.

Думается, сейчас самое время о Елизавете ненадолго забыть и вспомнить о старшей ее сестре, Анне Петровне, к описываемым дням уже весьма солидной замужней дамы.

Судьба старшей дочери Петра Великого сложилась трагически. Вышедшая за голштинского герцога Карла Фридриха в столице Голштинии Анна страдала. Брак ее, как выяснилось, был весьма и весьма неудачен. Среди чужих людей дочь Петра Великого чувствовала себя одинокой, муж оказался недостойным такого сокровища, каким, по единодушному мнению современников, была Анна. Герцог был человеком слабым и несдержанным, любителем женщин и крепких напитков. Подданные своего герцога уважали, однако о герцогине печалились: ведь Карл Фридрих, казалось, любил всех женщин, кроме нее одной.

Письма Анны к сестре и к императору Петру Второму полны тоски и жалоб. Однако она даже помыслить не могла о разводе или о возвращении в Россию – в династических браках разводы были невозможны. В феврале 1728 года герцогиня родила мальчика, которого назвали Карлом-Петером-Ульрихом. Так появился на свет будущий российский император Петр Третий. Вскоре после родов у двадцатилетней Анны Петровны открылась скоротечная чахотка, и она умерла, завещав похоронить ее в Петербурге, возле родителей.

Анне, всегда нежно относившейся к младшей сестре, наверняка хотелось, чтобы та приехала на похороны, – ведь все детство и юность они были неразлучны. И Елизавета не могла обмануть чаяний Анны, пусть и посмертных.

Мы возвращаемся к цесаревне Елизавете и открываем одну из ее тайн. Осенью 1728 года тело Анны Петровны русский фрегат доставляет из Киля в Петербург. Его встречает немногочисленная свита, скорее, похоронная команда. Да и кто еще может встречать гроб с телом почившей дочери царя, завещавшей похоронить себя на родине? Командует встречающими невысокий поручик Анненский. После обязательных церемоний и похоронного ритуала он остается в Петропавловском соборе один, а утром исчезает. Ни в списках похоронной команды, ни в приказе о чествованиях и упокоениях сей поручик никогда не значился. Кто назвался столь простым именем и куда делся этот неизвестный, так и осталось загадкой истории.

Местом пребывания своего немногочисленного двора Елизавета Петровна избрала Александровскую слободу в Москве. Очень быстро эту слободу стали считать веселым пристанищем свободных нравов. Однако то говорили люди, считавшиеся добрыми приятелями Елизаветы. Злые же языки утверждали, что слобода стала местом затворничества, что лишь монахи-чернецы посещают это проклятое место, что дворец Елизаветы суть ветхая хибара, а она чуть ли ни единственная обительница запустелых и замшелых стен. Место и впрямь было не из веселых – Александровская слобода была известна как одно из самых зловещих мест России: именно там устроил свою опричную столицу Иван Грозный. Однако волнения и друзей и врагов были напрасны: узнав о болезни императора, Елизавета Петровна даже не приехала в столицу. Никак лучше показать, что на трон она не притязает, цесаревна не могла.

Елизавета, как женщина мудрая, и не помышляла о повторении опричной истории. Ее жизнь текла вдалеке от борьбы за трон – кто бы ни взшел на него, цесаревна была ему не соперницей. Однако нет-нет, но кровь великого Петра все же вскипала в жилах младшей дочери царя. Но ума цесаревне хватало для того, чтобы подавить бунт в сердце и издалека следить за перипетиями истории.

Сторонние наблюдатели (уж таков закон жизни – даже у самой скромной из персон, в ком течет царская кровь, непременно найдутся и наблюдатели, и соглядатаи) усматривали в этом какую-то особо тонкую тактику честолубивой цесаревны, ждавшей своего часа, другие подозревали, что в это время она была беременна и стремилась в загородном уединении скрыть свою тайну.

Умница же Елизавета, с улыбкой глядя на всю эту возню, оставалась вне схватки. И лишь узнав, что по смерти Петра Второго трон перейдет к ее кузине, Анне Иоанновне, в первый раз недобро усмехнулась. Ох, как выразительна была эта улыбка, ох, как страшна. Однако и сейчас цесаревна не сделала и шагу, чтобы этому воцарению воспрепятствовать.

– Терпение – удел сильных, доченька, – любила повторять ее мать, императрица Екатерина. – Терпи, и твое терпение вознаградится сторицей. Но не медли, когда видишь, что твой час настал. Тогда не медли ни одного лишнего мига!

Должно быть, Елизавета еще не видела, что ее час настал.

В деревне, вдали от света, цесаревна жила не то чтобы замкнуто, но скорее вдали и от царского двора, и от его потрясений. Актеры и художники, певцы и военные в невысоких чинах... Охота, скачки, прогулки по берегу тихой реки и вновь пирушки и охота... Класси-

ческой красотой Елизавета не отличалась, но ее глаза, изумительные и невероятно живые, украшали и освещали ее лицо. Поклонников у нее хватало, но после афронта с Фридрихом Гогенцоллерном, а позже и с Морицем Саксонским Елизавета навсегда зареклась от монархических браков и поисков царственного супруга, предпочитая им пусть и не такие громкие титулы, но подлинные чувства и искренние привязанности.

Вот как описывал двадцатилетнюю Елизавету агент саксонского двора, барон Лефорт.

«Цесаревна сказочно хорошо сложена – красивые ноги, белоснежное свежее тело и ослепительный от природы цвет лица. Несмотря на пристрастие к французским модам, она не пудрит волосы, ведь они того красивого рыжего цвета, что весьма и весьма ценится любителями венецианской красоты. И от всего ее существа веет любовью и сладострастьем... В костюме итальянской рыбацки, в бархатном лифе, красной коротенькой юбке, с маленькой шапочкой на голове и парой крыльев за плечами, а позже и в мужском костюме, особенно любимом ею, потому что он обрисовывал ее красивые, хотя и пышные формы, она была неотразима. Она сильно возбуждала мужчин, чаруя их вместе с тем своею живостью, веселостью, резвостью... Всегда легкая на подъем, она легкомысленна, шаловлива, насмешлива. Она как будто создана для Франции и любит лишь блеск остроумия».

Именно при посредстве рекомого Лефорта Елизавета чуть было не вышла замуж за сына саксонского курфюрста Августа Второго. Старший сын Августа, признанный наследником, был изумительно хорош собой и к тому же весьма мужествен и решителен. От такого мужа грех было отказываться. Елизавета, правда, и не отказывалась, однако опасалась его необыкновенной предприимчивости.

– Он, словно флюгер, клянусь, – как-то в сердцах заметила она своей подруге Марте. – Откуда подует ветром свободного престола, туда его сердце сразу же и поворачивается. Красив, но гниловат женишок-то...

Мориц, конечно, не мог не прельститься прекрасной невестой, но куда более его прельщал обещанный вроде бы за Елизаветой курляндский престол. И даже возможность разделить его со столь прекрасной девушкой радовала куда меньше. Но в те дни место в Митаве было занято Анной Иоанновной, кузиной Елизаветы и вдовой Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндского, значительно менее привлекательной, чем цесаревна, но в данную минуту обладавшей лучшим приданым. Мориц не колебался в выборе между богатством одной из предполагаемых невест и прелестями другой. Герцогиня Курляндская также не замедлила благосклонно принять предложение жениха.

Россия согласия на такой брак, конечно, не дала, и все трое остались при пиковом интересе. Однако лишь один из них, вернее, лишь одна Елизавета, с самого начала не питавшая никаких романтических иллюзий (да и неромантических тоже), с удовольствием приняла это известие.

– Я же тебе говорила, Марта, не будет из этого сватовства никакого толку. Да и рассуди сама – разве ж Мориц Саксонский ровня дочери Петра?

Собеседница отрицательно качнула головой. Вопрос был явно риторическим и ответа не требовал.

– Вот я и говорю, лучше быть здесь самой собой, чем подобно Аннушке умереть нелюбимой да еще и на чужбине.

Когда же к власти пришла, вернее, к власти привели кузину Елизаветы, Анну Иоанновну, для цесаревны мало что изменилось. Разве что Александровская слобода сменилась окраиной Санкт-Петербурга, куда почти сразу после коронации по высочайшей воле новой императрицы перебрался весь ее двор.

– Да, матушка, я живу бедно, я живу серо... Мало того, что содержание мое невелико, так еще и сестрица-то моя меня всякий миг в гадостях подозревает, а потому наводнила улицы вокруг моего убежища шпиками да соглядатаями, лазутчиками да жандармами.

Марта знала, что это вовсе не преувеличение, что лазутчиками наполнены не только улицы вокруг, но даже дворец цесаревны. Не зря же одну из ее горничных заточили в тюрьму, обвинив в непочтительных отзывах о Бироне. Откуда бы тайная канцелярия знала о подобных отзывах, скажите на милость?

Горничную подвергли допросу, высекли и сослали в монастырь. Однако Бирону и его лазутчикам наверняка было этого недостаточно, и они пытались добиться заточения в обитель и самой цесаревны. Преследования бесили Елизавету. О, если бы она могла сделать хоть что-то противу установленного! Однако содержание ее было почти ничтожно и позволяло ей жить отнюдь не роскошествуя. По царским меркам, разумеется.

Много позже, вспоминая об этом времени, она рассказывала своей невестке:

– Я носила простенькие платья из белой тафты, подбитые черным гризетом, дабы не входить в долги и тем не погубить своей души... Если бы я умерла в то время, оставив после себя долги, то никто их не заплатил бы и душа моя пошла бы в ад, а этого я совсем не желала. Хотя признаюсь, что белая тафта и черный гризет должны были вместе с тем производить впечатление вечного траура и служили своего рода вызовом этим наглецам, кои о троне, положила руку на сердце, и мечтать не смели.

В словах постаревшей Елизаветы было много правды. Действительно, содержание было по царским меркам более чем скудным. Ведь кроме двора, пусть и небольшого, на плечах цесаревны лежала забота о двух дочерях дяди, старшего брата царицы Екатерины, Карла Саксонского, которых она старалась выдать замуж. Собственно, молодая и полная сил цесаревна вела себя как матушка большого семейства, о всех заботясь, ведь такова жизнь – и разве может быть иначе в семьях, где более сильные ответственны за более слабых уже потому, что они самую малость сильнее.

– Знать пренебрегала мною как за мое низменное, по их меркам, рождение, так и за характер моих скандальных, с их точки зрения, любовных увлечений. Таким образом, душечка, признаюсь, что мне пришлось, чтобы составить себе общество, спускаться все ниже и ниже. В Петербурге, как ты знаешь, я наполнила свой дом гвардейскими солдатами. Я раздавала им маленькие подарки, крестила их детей и очаровывала их улыбками и взглядами. «В тебе течет кровь Петра Великого», – в благодарность говорили они.

Молодая невестка кивала. О да, это все была чистая правда. Или то, что цесаревне было удобно считать правдой, – ведь спустя годы многим из нас свойственно свои поступки переоценивать, находить в глупостях ответы мудрых поступков, а в мудром молчании – следы несогласия или даже отвращения.

– Я, деточка, показывалась публично весьма редко, лишь в торжественных случаях, и даже тогда держалась серьезно и грустно, принимая вид, доказывавший, что ни от чего не отрекаюсь. Глупцы были те, кто этого не понял.

«Глупцы, матушка императрица, – соглашалась мысленно невестка, – как есть безумные глупцы».

Из К. Валишевского. «Дщерь Петра Великого. Елизавета Петровна» (1902)

Она была прежде всего дочерью Петра Великого, озабоченная, в особенности в начале своего царствования, тем, чтобы не посрамить его имени и его наследия, на которое она предъявила права. Ее поклонение своему великому отцу доходило до мелочности; так, например, она иногда подписывала свои письма именем: «Михайлова», потому что Петр, путешествуя за границей, взял псевдоним «Михайлов». Но для того, чтобы эта страсть к подражанию распространилась на более серьезные предметы, Елизавете недоставало не одного только гения. За отсутствием гениальности она обладала все-таки здравым смыслом, хитростью, некоторыми еще более тонкими свойствами ума, например искусством, составившим впоследствии отличительную черту Екатерины II, устанавливать тщательно охраняемую границу между своими чувствами и даже страстями с одной стороны и своими интересами с другой. Образчиком этого может служить ее поведение с маркизом Шетарди; она расточала этому товарищу черных дней почти чрезмерные знаки дружбы и благодарности, предоставляя ему и публично, и в своем тесном кругу привилегированное положение, и вместе с тем в области политики она перешла на сторону злейших врагов его и Франции и предала его им.

Она отличалась большой скрытностью. Никогда не была она так любезна с людьми, как в ту именно минуту, когда готовила им опалу или гибель. Но это опять-таки принадлежит к области вечно женственного.

У нее также было и чрезвычайно высокое понятие о своем царском достоинстве. Павел I, говоря впоследствии: «В России значительным человеком является только тот, с которым я говорю и пока я с ним говорю», повторял лишь заученный урок. Она нередко произносила подобные фразы. Так, по поводу великого канцлера, о титуле которого говорили в ее присутствии, она заметила: «В моей империи только и есть великого, что я да великий князь, но и то величие последнего не более, как призрак».

Это чувство было у нее весьма искренно, вместе с тем менее лично, чем у Петра I. Она в нем отождествляла себя со своим народом, считая его чем-то высшим всех измеряемых величин и ценностей, а себя естественным олицетворением этого народа в глазах мира. Но она понимала, что тождественность эта была лишь случайная и преходящая, вследствие чего она не проявляла относительно будущего надменного равнодушия Петра. Она беспрестанно была озабочена вопросом о престолонаследии и огорчалась тем, что ей не удалось его лучше обеспечить. В ней было меньше гордости, и, вместе с тем, она обладала более верным сознанием своей роли и своих обязанностей и более глубокой любовью к своей родине. Она любила ее, гордилась ею и, несмотря на самые страшные испытания, оказалась неспособной предать ее интересы.

Глава 3. Шкатулка с потайным дном

В бальной зале стало тихо. Анне почудилось, что свет тысячи свечей померк, – в распахнутых дальних дверях показалась ее сестрица.

Восторженное аханье раздалось со всех сторон. Или сие просто померещилось одышливой стареющей царице... О да, она воссела на русский трон, но от этого не стала ни моложе, ни привлекательнее, ни желаннее. Умом особым Бог ее тоже, увы, не наградил – она завидовала. Завидовала уму своих советников, подозревая, и не без основания, что те беспокоятся о собственном благе куда более, чем о благе страны. Завидовала внешности своих придворных дам, видя, что даже самая невзрачная из них затмевает ее, императрицу, не прилагая к этому никаких усилий. Но более всего она завидовала Елизавете, только что появившейся в Малой зале приемов. Сияя бриллиантами в высокой прическе, улыбаясь чуть небрежно, дочь великого Петра приближалась к возвышению, на котором стоял трон. Вот она уже в нескольких шагах, вот подошла, присела в книксене.

– Ваше величество, милая моя сестрица! С днем ангела!

«Змеюка, – подумалось Анне, – дрянь лживая. Да ты не поздравлять меня явилась, а насмехаться надо мною! Не ты ли третьего дня сказывала своему прихлебателю Лестоку, что с удовольствием придешь токмо на мои похороны?»

– Благодарим тебя, милая сестра! Присоединяйся же к нашему празднику!

Анне с трудом удалось сдержаться: голос не дрожал, улыбка была почти радостной, а милостивое приветствие вышло вполне дружелюбным. Да и само обращение на «ты», пусть и в Малой зале, звучало вполне однозначно – кружок любящих людей собрался для того, чтобы отпраздновать именины императрицы. Во всяком случае, так хотелось Анне.

Но, к сожалению, это было только ее желание. Выглядело все происходящее совершенно иначе.

По давнему обычаю, приглашенные на «семейные» праздники двора собирались по правую руку от трона. Иногда там было совсем пустынно, иногда гости теснились, с трудом умаясь в невидимых границах. В этот туманный вечер на правой половине были лишь особо доверенные, близкие Анне люди. Исключение составлял только китайский посол, третьего дня вручивший императрице верительные грамоты. Этикет обязывал пригласить его на ближайшие празднество, что Анна и сделала крепя сердце.

Сейчас она с некоторой тревогой наблюдала, как этот самый посол прислушивается к шепоту жены английского посланника. Похоже, что беседа казалась гостью из далекой восточной страны весьма забавной, иначе отчего бы он улыбался столь широко? Должно быть, злословят иноземцы меж собой, ее, царицу и владычицу, высмеивают.

Стерпеть это было бы трудно любой даме, а уж владычице великой России и вовсе невозможно.

– Любезный посланник, – с улыбкой обратилась Анна к китайцу, – сказывают, что мужчины вашей страны весьма сведущи по части дамской красоты. Верно ли сие?

Посланник склонился в поклоне. Ему хотелось сказать, что это чистая правда, а потому женщины вокруг выглядят просто отвратительно: бледные, с широко распахнутыми, глупыми, по-рыбьи светлыми глазами. Но, увы, тогда бы его карьера при русском дворе закончилась, так толком и не начавшись.

– О да, прекрасная как сон императрица. Мужчины моей страны знают толк в прекрасном, это чистая правда. А потому знают толк и в подлинной женской красоте.

«Однако как хорошо ты говоришь по-русски, – подумала Елизавета, обернувшись на голос сестры. – Отчего бы это? Должно быть, побеседовать с тобой накоротке будет более чем интересно...»

– А раз так, любезный посланник, прошу вас разрешить наш маленький спор. Как все мы есть токмо глупые барышни, – Анна похлопала глазами, – прошу вас указать, которую из нас вы бы могли назвать самой прекрасной...

«Ох, сестричка, а ты воистину поглупела несказанно с нашей прошлой встречи... Или этот узкоглазый так сильно пришелся тебе по сердцу, что ты готова льстить ему каждую минуту, даже на глазах у всего света?»

(Злые языки поговаривали, что Анна пыталась пригласить нового посланника в свои личные покои, едва он только появился при дворе. Посланник же замешкался с согласием, должно быть, опасаясь привязанности императрицы не менее, чем ее гнева. Вот теперь, судя по всему, сестрица Анна пыталась предпринять еще одну попытку.)

Елизавета никогда не любила Анну, а кроме того, всеми силами стремилась пребывать в тени, находиться от воцарившейся сестры как можно дальше, не соперничать с ней ни в чем... Ну, хотя бы не соперничать явно.

Посланник сделал несколько шагов вперед. Его узкие глаза обожали весь зал, непозволительно долго задержавшись на сияющей красотой Елизавете. Та мысленно усмехнулась (любой женщине приятно, когда ею любуются, что ж тут греха-то таить, и я грешна, любезный посол). Однако столь явно показывать женское превосходство над Анной – хоть и очень соблазнительно, но неумно и не к месту...

Не позволив даже тени улыбке показаться на губах, Елизавета отвела взгляд от пристальных глаз посланника.

– Ваше величество, в звездную ночь трудно сказать, какая звезда самая яркая... – произнес китаец с поклоном.

«Да ты умен... Это и понятно, иначе что бы ты делал при нашем дворе... Сидел бы среди своих роз и соловьев да философствовал почему зря... Ничего нет лучше уклончивых ответов, это и я уже хорошо знаю. Однако мог бы и соврать, польстить Анне... Жалко, что ли, тебе?»

Анна благосклонно улыбнулась.

– Однако же я настаиваю. Ибо спор наш с нашими дамами длится уже непозволительно долго.

«Да, милая сестра, ума у тебя совсем не осталось... Зачем же, видя, что можешь получить нежелаемый ответ, продолжаешь задавать вопросы? А что ж тебе делать с державой? Хотя какая держава, у тебя на уме красота, да увядание, да любовники, да Бирон...»

– Ваш спор все же много короче, чем история моей великой страны, – неуклюже попытался выйти из неловкой ситуации посланник. Он и сам не понимал, почему не может спрятаться, как всегда, за крайне любезным и крайне двусмысленным комплиментом, пытался спрятаться за мудростью великого Кун-цы, но ничего не получалось. «Однако она не уймется... Что же делать?..»

Молчание затягивалось. Анна с тревогой наблюдала, как глаза посланника раз за разом останавливались на лице Елизаветы.

«Надо было сослать тебя, змея, в Чудов еще прошлым летом. Отговорили... Но, поди, и сегодня еще не поздно! Ужо я тебя, сестрица!»

– Разве может самая яркая звезда сравниться с луной, мерцающей на бескрайнем небе? – начал посланник. – Все звезды и иные небесные тела, поражающие нас красотой и заставляющие склоняться в безмолвном восхищении, меркнут перед ее блеском и величием!

И он склонился перед императрицей в низком поклоне – не оставляя и тени сомнения в том, кто же эта луна на бескрайнем небе (сиречь в палате царской).

«Однако забавно сегодня, ничего не скажешь... – Елизавета вслед за остальными придворными дамами присела в почтительном поклоне. – Расскажу Алеше, то-то порадует...»

Но Анна все-таки не была столь глупа, как думалось Елизавете. Да, отчаянное женское самолюбие и сознание своей неотвратимой старости преследовало ее постоянно и заставляло совершать непозволительные поступки. Однако кто сказал, что она этого не сознавала? Милостиво улыбаясь, императрица в душе горько кляла себя за такое проявление слабости и за то, что сама же поставила себя в неловкое положение перед всем двором. Махнуть рукой и забыть не получится... Дамы-то и кавалеры – бог с ними, посудачат и забудут, отвлекутся на что-то новенькое и более интересное, а вот Лизка и Бирон...

Анна еле удержалась, чтобы не закусить от досады губу. Черти бы их побрали, и сестрицу любимую, и милого дружка... Отчего-то Анне вспомнилась непростая история ее воцарения. Может быть, и сейчас, вот прямо сейчас змея Лизка мечтает, как ворвется в ее спальню с гвардейцами... Нет, не может такого быть! Мечтать она, может, и мечтает, от обиды да злости, но решиться на такое ох как непросто... Да и силушки у нее не станет. За ней, законной царицей, Бирон, он один стоит десятка... сотни... Тьфу ты, так до тысячи можно дойти в лести. Десяток – и будет с него...

Хотя когда в последний раз цари всходили на трон России иначе? Быть может, когда-то и где-то уставший правитель передавал своему наследнику власть с улыбкой... Однако о таком чаще рассказывают сказки, чем летописи.

Анна была права. Путаница с престолонаследием, увы, была неизменным атрибутом любого властительного дома. Сыновья видели в отце-властелине лишь досадную помеху своему воцарению, а в братьях – только соперников. Так было и в тот раз, когда умер русский царь Федор Алексеевич и на престоле оказалось сразу двое его малолетних братьев: старший – Иван Пятый Алексеевич и младший – Петр Первый Алексеевич под регентством правительницы – их сестры, царевны Софьи Алексеевны, которая в регентши, и это не секрет, навязалась к братьям насильно.

«Жадная до власти была, сказывали, царевна Софья. И полюбовник ее, Васька Голицын, все подстрекал отнять трон у братьев. К тому же стрельцы московские именно ее, Софью Алексеевну, видели своей царицей. Иль она, умница, сделала все, что могла, чтобы убедить в этом и стрельцов и двор. Дескать, достаточно лишь стрельцам силушку свою собрать вместе, как на трон взойдет Софья Алексеевна. Быть может, так бы все и случилось, ежели б младший из братьев, Петр, к тому времени не вошел в возраст. Семнадцатилетним он низложил свою сестрицу, заперши ее в монастыре. Однако самоличным властителем не стал – папенька мой, Иван, оставался его соправителем до самой своей кончины. Злые языки называли его и больным и слабоумным... Глупцы! Как же, слабоумным... Ежели б так было, кто б ему дал жениться?.. А ведь ко дню его смерти нас у матушки уже трое было – я, сестрица Екатерина да сестрица Прасковья. Одно плохо – все девицы. Не успел папенька о сыне-наследнике позаботиться. Не успел...»

Анна ненадолго отвлеклась от мыслей о семье. Гости все-таки собрались именно на ее именины, и потому следовало им хоть каплю внимания уделить, хотелось того или нет.

Царица улыбнулась Бирону, стоявшему, как обычно, не рядом, но так, чтобы видеть и слышать все, что происходит.

«Добрый друг мой... Следи же за всем хорошенько. – Анне хотелось, чтобы именно это говорила ее улыбка. – А после, когда закончится балаган, ты мне поведаешь и о виденном, и о слышанном, и о том, какие подводные течения были тобою замечены в мутной водице моих покоев».

Анна, пусть и не самого великого ума, была все же дочерью, внучкой и правнучкой царей – и потому прекрасно знала, что честностью и открытостью не может похвастать ни один двор, сколько ни ищи их на свете белом.

Эрнст Иоганн Бирон, давний друг и фаворит, молча поклонился. Он безошибочно угадал то, что ему хотела сказать Анна. Собственно, так было всегда – недремлющий страж, вот

кто он есть для Аннушки. Тайный властитель ее тела и разума... Хотя чаще он чувствовал себя тайным властелином всей огромной России.

«И то, разве бы хватило у бабы ума продержаться на троне дольше одного дня, ежели б не давал я ей ежесекундно советов, не подсказывал бы верных решений да правильных слов... Баба – она баба и есть...»

Игра света свечей в многочисленных камнях перстней и диадем, ожерелий и браслетов... Роскошные платья с невероятной ширины фижмами и панье, обнаженные плечи, едва прикрытые газовыми шальями, а то и вовсе бесстыдно выставленные напоказ... Слуги, снующие между дамами и кавалерами, с бокалами вина...

«Вот уж глупость какая, – подумала Анна. – Привез же царь Петр обычай! Нет бы посидеть за столом как пристало, воздать должное трудам поварским, как на Руси принято было испокон веков...»

Сейчас царица совсем «забыла», что по прихоти рекомого Петра много лет прожила вдовой герцога Курляндского на задворках империи и о том, как «на Руси испокон веков было принято», знала до смешного мало.

Анна Иоанновна без тени любви относилась к Петру Великому, хотя и зла его памяти не желала. Более того, она считала настоящей трагедией то, что в конце жизни у него не осталось сыновей, которым он мог бы передать престол и страну. Когда в конце января 1725 года он умирал, то у его постели стояли только дочери: старшая – Анна, средняя – Елизавета и младшая – Наталья, которая вскоре тоже умерла и гроб которой несли рядом с гробом великого царя. Императорский престол перешел к жене Петра – императрице Екатерине I, но и она, процарствовав всего два года, в 1727 году умерла.

Перед кончиной Екатерина завещала корону двенадцатилетнему внуку Петра Великого, Петру Второму. Он был сыном покойного царевича Алексея, рожденного первой женой Петра, Евдокией Лопухиной. Но юный император правил и того меньше: в начале 1730 года он заболел оспой и 19 января умер.

«Вот так престол достался мне...»

Осиротевший трон по завещанию все той же Екатерины должна была занять одна из ее дочерей, буде с маленьким Петром случится несчастье. Ей не было дела до того, что придется делать выбор между двумя сестрами, да и до того, что обе ее дочери считались незаконнорожденными – ведь царь Петр женился на ней после рождения обеих девочек. И пусть маленькие Анна и Елизавета были привенчаны, для царственных домов мира это значения не имело. Незаконнорожденные, бастарды... Передать престол незаконнорожденной... Это было бы не просто верхом глупости, а настоящим вызовом всей Европе.

И французский, и английский, и прусский королевские дома отказали, когда Екатерина искала дочерям женихов. Отказали именно из-за того, что они незаконнорожденные. Но что было бы с несчастной Европой, если бы одна из оскандалившихся принцесс вдруг стала бы царицей?!

Афронт, настоящий афронт...

В ночь после смерти Петра Второго в покоях канцлера долго горел свет. Собравшийся на совещание Верховный тайный совет решал, кого же им назвать правителем России – правителем номинальным, конечно, ибо управлять страной, по мнению канцлера Головкина, должен был именно он, ну, с некоторой поддержкой семьи Долгоруких и, быть может, с помощью братьев Голицыных. А потому выбор совета пал на дочерей царя Иоанна Пятого Алексеевича. Царедворцы, почитавшие именно себя настоящими радетелями за благо страны (и своего кармана в первую очередь), единодушно выбрали в императрицы среднюю, бездетную дочь старшего брата Петра, Анну Иоанновну. К этому времени она жила в Митаве – столице крошечного герцогства Курляндия как герцогиня, вернее – как вдова курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, за которого ее выдал еще Петр Великий.

Вернуть на трон кровь Романовых было, конечно, мыслью разумной. Однако Анна уже давно была русской лишь по крови. Неудивительно поэтому, что вместе с ней в страну хлынули и иноземцы всех мастей – немцы и пруссаки, в первую очередь, конечно. Да и фаворит Анны был, конечно, вовсе не русским.

Именно ему Анна была обязана тем, что очень скоро она стала самодержицей. Не без участия его, фаворита, Эрнста Бирона, Тайный совет был распущен, а все нити правления императрица сосредоточила в своих руках.

Анне приятно было думать, что Бирон был ее правой рукой. Приятно было даровать «душечке» Эрнсту возможность поуправлять. Однако она не замечала, что ни один из даров к ней не вернулся и что она была, скорее, некрасивой марионеткой на троне. А вот кукловод, не очень, впрочем, и пытаюсь спрятаться, оставался все-таки у подножия трона.

Анна искренне не понимала, отчего русские по крови царедворцы так не любят иноземных своих коллег. Ведь сам Петр Великий, имя которого по сю пору было настоящей святыней в России, призывал учиться у всей Европы, брать у нее все лучшее, что могло бы послужить благу великой империи. Однако царю Петру Алексеичу и в голову не могло прийти, что иноземцы, обретшие новую родину, очень быстро начнут заражаться и исконно российской «болезнью» – мздоимством, отчего интересы страны так же очень быстро начнут путать со своими собственными интересами, а свой карман станут почитать более всего остального в этом мире.

Такова была правда с точки зрения Анны Иоанновны. Но какой увидели бы ее сторонние наблюдатели?

Глава 4. История о связанных руках

Взору стороннего наблюдателя предстала бы не очень молодая и, увы, весьма нездоровая женщина, которая наконец дорвалась до власти. Женщина, намертво забывшая то, о чем думать было бы неудобно или даже просто некомфортно. Последняя из московских царевен, помнившая о той, другой России, которую навсегда изгнал со страниц истории уже не раз вспоминавшийся здесь Петр Великий.

Анна Иоанновна родилась в самом конце семнадцатого века и была не последней, а предпоследней из московских царевен. Последней все же будем считать ее сестру Прасковью, появившуюся на свет через полтора года. Как и другие царские дети, Аннушка появилась на свет в Крестовой палате Московского Кремля, которую ко дням родов царицы специально убрали с особым великолепием.

В обычное время Крестовая использовалась как молельня, но на время родов туда переносили царскую кровать, и первое, что мог увидеть, хотя и не осознав, новорожденный, – это дивный свет, льющийся через цветные витражи окон, цветное буйство настенных росписей, блестящие золотом и серебром иконные оклады, пестротканые одеяния и яркие уборы боярынь и мамок. Не уступали в красочности постели и стены дворцовых комнат, которые были затянуты сверху донизу сукнами зеленого, голубого и всех оттенков красного цвета. Нередко стены и потолок обивались атласом, златоткаными обоями и редкостной красоты тисненой золоченой кожей с изображениями фантастических птиц, животных, трав, деревьев. Стены комнаты царевны Анны были именно такими – документы утверждают это совершенно однозначно.

Самим мигом рождения, казалось, определена будет и вся ее судьба – судьба одной из многочисленных царских дочерей, мир которых десятилетиями неизменен и ограничен: Кремль, загородный дворец, церкви и, наконец, монастырская келья.

Анне не повезло родиться не только на рубеже веков, но и на переломе российской истории. Хотя тут уж о везении или невезении говорить следует осторожно: менялась судьба огромной страны, и это цунами перемен не могло не задеть уютного мирка многочисленной царской семьи.

За неполных полвека Анна смогла прожить три совершенно разные жизни. Первые пятнадцать лет – светлое детство и тихое отрочество, такие обыденно-традиционные для московской царевны, какой она по воле судьбы родилась. В семнадцать лет и уже волею грозного дядюшки-государя она превратилась в курляндскую герцогиню и почти два десятилетия не столько жила, сколько маялась и мучилась в чужой, непонятной и враждебной стране. И наконец волею теперь уже случая и политического расчета в зимний день 1730 года она стала императрицей и последние десять лет жизни восседала на престоле могущественной империи.

Эти три столь непохожие друг на друга жизни просто не могли не отложить своих отпечатков на ее нрав, поведение и вкусы, не могли не слепить неповторимо-причудливый и сложный характер.

Итак, июнь тысяча семьсот тридцатого года. В Измайлово, старый загородный дворец царя Алексея Михайловича, отчий дом, после двух десятилетий бесприютности, тревог и нужды возвращается из Курляндии Анна. Возвращается призванная Тайным советом как царица, но вовсе не самодержица. Ибо руки ее связаны «Кондициями», которые она подписала сама. В этом документе без Верховного тайного совета она не могла объявлять войну или заключать мир, вводить новые подати и налоги, расходовать казну по своему усмотрению, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола.

«Кондиции» просуществовали недолго – ровно столько, сколько Анна чувствовала себя гостьей, а не хозяйкой в собственной стране. Но вернемся в июнь, осмотримся глазами Анны, вернувшейся из курляндской бедности и забвения.

Измайлово для нее – то же самое, что Преображенское и Семеновское для Петра Первого. И именно в Измайлове Анна несколько позже организует новый гвардейский полк – Измайловский, который встанет в один строй с полками петровской гвардии – Преображенским и Семеновским. История порой ни в чем не уступает судьбе по коварству.

С Измайловым у Анны были связаны самые ранние и, вероятно, как это часто бывает в жизни, лучшие воспоминания безмятежного детства. Сюда после смерти царя Ивана переселилась вдовая царица Прасковья с дочерьми: пятилетней Катериной, трехлетней Анной и двухлетней Прасковьей. История повторялась снова – точно так же в 1682 году в Преображенское перебралась, овдовев, жена царя Алексея Михайловича, Наталья Кирилловна, с десятилетним Петром и одиннадцатилетней Натальей. Но если будущее обитателей Преображенского дворца было тревожно и туманно, то для обитателей Измайлова горизонт был чист и спокоен: к семье старшего брата Петр относился вполне дружелюбно и «не умышлял ничего противу семейства». Дорога реформ прошла в стороне от дворца царицы Прасковьи – до семьи царя Ивана доходили лишь отзвуки грандиозного переворота в жизни России. Измайловский двор оставался островком старины: две с половиной сотни стольников, весь штат «царицыной» и «царевниных» комнат, десятки слуг, мамок, нянек, приживалок были готовы исполнить любое желание Прасковьи и ее дочерей. Будто и не бушевал за стенами тихого дворца буйный век.

Измайлово было тихим уголком, где время словно остановилось. Вокруг дворца, опоясывая его неровным, но сплошным кольцом, тянулись тихие пруды, по берегам цвели фруктовые сады. Царевны не раз плавали по ним на украшенном резьбой, увитом зеленью и цветными тканями ботике.

Тихое прохладное утро, яркие сарафаны и ленты, вплетенные в длинные косы... Кораблик тихо скользит по глади пруда, девушки со смехом звенят крошечным серебряным колокольчиком и крошат хлеб в глубины, откуда выходят на кормежку щуки и стерляди с золотыми кольцами в жабрах, надетыми еще при Иване Грозном. Рыбы были приучены выходить на кормежку по звуку таких колокольчиков.

Конечно, Измайлово не было совершенно изолировано от бурной жизни тогдашней России – новое приходило и сюда. Маленьким царевнам, кроме традиционных предметов – азбуки, арифметики, географии, – преподавали немецкий и французский языки, танцы. Учителем немецкого был, к примеру, Иоганн Христиан Дитрих Остерман – старший брат Андрея Ивановича Остермана, человека, которому предстоит в истории России сыграть немалую роль и имя которого уважаемый читатель еще не раз встретит на этих страницах. Но сейчас речь не о нем.

Анне и ее сестрам очень и очень повезло с матушкой. Вдовая Прасковья отлично знала, как к ней относится младший брат мужа, Петр. Но все же у нее хватало осторожности и мудрости вести себя крайне осмотрительно, быть может, даже избыточно нарочито не вмешиваясь в события вокруг трона, намеренно не замечая политики. Ее имя не попало ни в историю с бунтом стрельцов, которых вела в бой царевна Софья, ни в историю с царевичем Алексеем и его матерью, царицей Евдокией. Согласитесь, это кое-что значит. Ведь отлично известно, что Петр, проводя политический розыск, не щадил никого. Конечно, не погнушался бы он и царской кровью – родных племянниц отправил бы под топор палача, не моргнув глазом.

Прасковья оставалась в стороне от всей этой борьбы и тем спаслась – ее двор был островком спокойствия для Петра Великого, вторым после Преображенского двора сестры Натальи. Царь не чурался общества своей невестки, хотя и почитал ее двор старомодным. Из всех женщин семьи Романовых только Прасковью с дочерьми, сестер Наталью и Марию

да всеми забытую царицу Марфу Матвеевну, вдову царя Федора, вывезет позже Петр в свой «парадиз» – выстроенную на болотах прекрасную столицу, студеный Санкт-Петербург.

Это переселение семейства произошло, когда Анне было пятнадцать. Пустынная и болотистая Городская (Петроградская) сторона, построенный «по правилам архитектуры» неуютный дворец, туманы, сырость и пронизывающий ветер новой столицы – как сильные и заметны отличия от родного уютного Измайлова...

Переезд в Петербург заставил царицу Прасковью сильно волноваться за судьбу дочерей. И понятно, почему: в новой столице дуют свежие балтийские ветры, а царь Петр планирует браки своих юных родственниц, чтобы связать династию Романовых с правящими европейскими родами.

Но первым стал царевич Алексей – Петр женил его на вольфенбюттельской принцессе Шарлотте Софии. Подумывал Петр о будущем и любимых дочерей – Анны и Елизаветы, которые с раннего детства были готовы к тому, что станут спутницами жизни европейских королей или принцев. Не забыты были и дочери брата Ивана – оставалось лишь подобрать им подходящие заморские княжества. О счастье девушек, конечно, никто не задумывался, в расчет принималась только польза для страны. Принцессы были к этому готовы, хотя радости от столь бездушного расчета вовсе не испытывали.

И вскоре появился первый жених – молодой курляндский герцог, племянник прусского короля, Фридрих Вильгельм.

Почему именно он стал мужем Анны? Все просто – начала приносить плоды победоносная Полтава. Царю сдались Ревель и Рига, а с ними в руках России оказались обширные территории Эстляндии и Лифляндии, которые Петр – и он этого никогда не скрывал – не собирался никому уступать. Теперь русские владения вплотную подошли к Курляндии – ленному владению Польши, по земле которого уже прошла русская армия, изгнав из столицы герцогства – Митавы – шведские войска.

Положение Курляндии было чрезвычайно уязвимым: на ее территорию многократно бросали кровожадный взгляд властелины Речи Посполитой, сосед – прусский король – не упустил бы подобной возможности, буде таковая возникнет, да господствовавшие в Риге и Лифляндии шведы тоже не отказались бы от герцогства, попади оно им в руки. Когда же вместо шведских гарнизонов пришла более могущественная русская армия, Курляндия, конечно, стала все более милостиво взирать в сторону России.

Однако так просто расширить свою империю Петр не мог. Применить военную силу и сослать всех недовольных русским влиянием в Курляндии в Сибирь Петр тоже не решался – это наверняка не понравилось бы союзникам. Ибо согласие с Пруссией и Польшей царь считал чрезвычайно важным и для решения более крупных международных задач, и для сохранения безопасности собственной страны.

Вот поэтому Петр предпринял обходной и весьма перспективный маневр: при встрече с прусским королем Фридрихом Вильгельмом Первым он сумел добиться согласия на то, чтобы молодой герцог Курляндский Фридрих Вильгельм взял в жены племянницу русского царя. Вот так семнадцатилетний герцог, которого дядя приютил после оккупации герцогства шведами, оказался просватанным и был вынужден отправиться в Петербург.

Елизавете тогда был год с небольшим. Ни она, ни ее всесильный отец, конечно, не представляли, что брак, устроенный этим самым всесильным отцом, скажется и на ее судьбе.

Итак, герцог Курляндии ступил на мостовые столицы. На петербургский свет он благоприятного впечатления не произвел: хилый и жалкий юный властитель разоренного владения он не выглядел завидным женихом. Прасковья Федоровна, узнав от Петра, что именно ее дочь должна стать женой этого посмешища, отдала нелюбимую семнадцатилетнюю Анну, хотя должна была бы расстаться с любимой старшей дочерью Катериной.

Вряд ли кто-то в семье радовался этому решению Петра. Не радовалась и сама Анна.

Свадьба была назначена на осень. В последний день октября молодые, которым было по семнадцать, венчались в церкви при Меншиковском дворце. На следующий день был устроен свадебный пир.

Петр не дал молодоженам долго наслаждаться жизнью в своем «парадизе» – в январе, спустя два с небольшим месяца после свадьбы, герцогская пара отправилась в Курляндию. На следующий же день после отъезда и произошло несчастье, определившее на долгие годы судьбу Анны Иоанновны. В Дудергофе, первом же постоялом дворе, герцог Фридрих Вильгельм умер. Анна была уверена, что умер он с перепоя, – накануне семнадцатилетний глупец решил состязаться в питии с самим Петром.

Анна, конечно, вернулась в Петербург, к матери. Нетрудно понять ее чувства, хотя вряд ли мы когда-нибудь сможем представить их все. С одной стороны, семнадцатилетняя вдова наверняка облегченно вздохнула – теперь уже можно не ехать в чужую немецкую землю, но с другой – радоваться-то было нечему: бездетная вдова – крайне унижительное и тяжелое для русской женщины положение. Ведь ей нужно или вновь искать супруга, или уходить в монастырь.

Принцесса Анна, вернее, герцогиня Анна решила положиться на волю своего грозного дядюшки – пусть Петр, уже один раз решивший ее судьбу, теперь придумает, как ей быть дальше. Анна отлично понимала, что в России сейчас нет человека сильнее царя. Как нет человека, желания которого принимались бы всесильным царем в расчет.

И тут царь немало удивил и мир, и новоиспеченную герцогиню: Анне не нашли нового жениха, ее не отправили в монастырь. Через год ей приказали следовать в Курляндию той же дорогой, в которой ее застало несчастье год назад. Это распоряжение изумило Анну и отнюдь не порадовало курляндское дворянство, получившее грамоту Петра.

Всесильный русский царь, упоминая заключенный перед свадьбой контракт, предписывал подготовить для вдовы Фридриха Вильгельма резиденцию, а также выделить в необходимом количестве средства для содержания герцогини и ее двора. Вместе с Анной в Митаве поселился русский резидент Бестужев, которому она и должна была подчиняться.

Впрочем, Петр и не рассчитывал, что приезд герцогини будет восторженно встречен местным двором, – Бестужеву было недвусмысленно указано не стесняться в средствах для изыскания необходимых для содержания Анны доходов. Резиденту было предписано в случае необходимости прибегать к помощи рижского коменданта и его драгун.

Вот так началась курляндская жизнь Анны. В чужой стране, одинокая, окруженная недоброжелателями, не зная ни языка, ни культуры, она полностью подпала под власть Бестужева. Человек весьма решительный, он очень быстро принудил герцогиню делить с ним ложе. Анна не чувствовала себя ни хозяйкой в своем доме, ни герцогиней в своих владениях. Да и власти у нее не было никакой – герцогством после смерти Фридриха Вильгельма формально владел его дядя Фердинанд.

Герцогиня Анна, нелюбимая, неуважаемая, всем мешающая, но неприкосновенная, как икона, в Митаве нужна было только русским, которые стремились держать крошечное герцогство под полным контролем. Удобнее всего это было делать под предлогом защиты бедной вдовы – племянницы русского царя.

При любой возможности Анна пусть ненадолго, но уезжала в Петербург. Однако и здесь ей не было покоя – царица Прасковья, беспредельно добрая и ласковая к старшей дочери Екатерине, была весьма жестка с Анной.

Единственным человеком, который по-доброму относился к герцогине Анне, была императрица Екатерина Алексеевна, посылавшая нечастые весточки митавской «узнице». Неспешная переписка между тетушкой и племянницей длилась до самой смерти Екатерины Первой. Анна в письмах жаловалась на безысходную бедность и полнейшее одиночество – жить почти десять лет вдовой да еще вдали от родины было ох как непросто. Но найти для

герцогини нового жениха было еще сложнее: тот должен был удовлетворять все заинтересованные стороны – и Россию, и Польшу, и Пруссию. Мало этого, своими действиями не нарушить столь хрупкого равновесия, едва-едва сложившегося в Европе.

И тут вдруг на сцене истории появляется более чем достойный кандидат на руку Анны – Мориц, граф Саксонский, внебрачный, но признанный сын Августа Второго. Молодому энергичному человеку надоела служба во французской армии, и он решил устроить свои династические и семейные дела.

Мориц сразу понравился и курляндскому дворянству, и самой Анне. Понравился настолько, что она бросилась за помощью в устройстве этого брака к Александру Меншикову. Тот с поручением Екатерины Первой направлялся в Курляндию. Анна не скрывала своих чувств – и Мориц ей люб, и политические интересы ни в малейшей степени не пострадают.

Но Меншиков сам с большим интересом поглядывал на престол Курляндии. Те самые политические интересы, ах, бедная Анна, заставляют всесильного Александра Данилыча отказать ей в помощи: ежели Мориц станет Курляндским герцогом, то Польша получит слишком лакомый кусок. А в Петербурге этого, понятно, вовсе не желают.

И Анна, поняв, что любви не бывает, решила, что и сам Меншиков не так уж плох. Но тут то ли Меншиков замешкался с согласием, то ли Анна не смогла достойно изложить всю пылкость вспыхнувших в Александру Даниловичу чувств. Не получив решительного согласия, герцогиня отправилась в Петербург, чтобы просить о содействии императрицу Екатерину. Но та на этот раз помогать не стала – интересы империи превыше всего. Анне пришлось вернуться в Митаву, где ее ждали неприятные дела с местной шляхтой, пытавшейся еще более урезать доходы герцогини.

Итог оказался весьма печален – Морица изгнали из Курляндии русские войска. Он вернулся во Францию, вновь стал «под ружье», а много позже прославился как один из выдающихся полководцев, покрыв свое имя славой, добытой на полях сражений. Меншикову тоже пришлось покинуть Митаву – Петербург не стал раздражать союзников, под дулами артиллерии заставляя избрать Александра Даниловича герцогом.

И Анна осталась у разбитого корыта.

Правда, одиночество, на которое она столь усиленно жаловалась, было вовсе не таким уж печальным – роман с Бестужевым продолжался. Однако вскоре резидента отозвали в Петербург. Но у Анны почти сразу появился новый фаворит – Эрнст Иоганн Бирон.

Судьба сведет с ним Анну на всю жизнь. Умирая, она отдаст ему самое дорогое, что имела, – власть над империей, – и не ее вина, что он не сумеет бесценный подарок удержать... Однако об этом чуть позже.

Сейчас же мы вернемся в Митаву, чтобы рассмотреть выражение лица Анны, получившей весьма странное письмо от Тайного совета, в коем ее приглашали на царство в Россию. Приглашали, опутав множеством оговорок и условий. Но Анне хватило ума приглашение принять – ведь быть царицей, пусть и с властью ограниченной, много лучше, чем прозябать в холодной, стылой Курляндии.

Какой она была царицей? Судите сами: любила драгоценности, дорвавшись до возможности их иметь в любых желаемых количествах, не любила править, предоставив это своему «душечке» Бирону, любила развлечения, привычные для своего времени, но сейчас бы удивившие нас своей вульгарностью и даже скабрзностью, любила охоту, причем предпочитала палить по птицам прямо из окон дворца.

Строгая блюстительница общественной морали, однако, совершенно не скрывала связи с Бироном. Отношения эти осуждались верой, законом и народом (о чем она точно знала из дел Тайной канцелярии).

Чем старше становилась Анна, тем сильнее ее тянуло в тихое прошлое – с его патриархальными нравами, понятными привычками, раз и навсегда установленным порядком жизни. Мир ушедшей, казалось, навсегда «царицыной комнаты» стал постепенно возрождаться в Петербурге. Старые порядки появлялись как бы сами собой, как ожившие воспоминания бывшей московской царевны. Однако она все же примеряла себя на роль «матушки-заступницы», неустанно заботящейся о благе страны и ее подданных. В указах это называлось: «О подданных непрестанно матернее попечение иметь». Но все-таки попечение не царское, а, скорее, хозяйкино: скорее она чувствовала себя владычицей огромного поместья, где всегда найдется немало дел.

Очень нравилась императрице роль крестной матери, кумы, но особенно любила она быть свахой, женить своих подданных. Обычно, кто бы сомневался, сватовство Анне удавалось. Вообще все, связанное с амурными делами, интересовало императрицу, готовую при случае запросто припасть и к замочной скважине.

Подглядывать и подсматривать за подданными, читать их письма, было подлинным увлечением императрицы. Узнав о чем-то «противузаконном», Анна распоряжалась вначале собрать слухи и сплетни, дабы подтвердить сам факт злонамерения против ее императорского величества. И только собрав всю грязь, как существующую, так и воображаемую, Анна повелевала передать дело в Тайную канцелярию для «строного расследования и справедливого наказания».

Для Анны Тайная канцелярия, созданная вскоре после воцарения, стала любимым и необходимым орудием – оно позволяло знать, что думают о ней люди, чем они сами дышат и что пытаются скрыть от постороннего взгляда: пороки, страстишки, тайные вожделения – словом, то, что иным путем до императрицы могло и не дойти. Начальник Тайной канцелярии, Ушаков, ежедневно докладывал о делах своего ведомства. Он приносил итоговые экстракты закончившихся дел, делал по ходу следствия устные доклады.

С особым вниманием следила Анна за делами об «оскорблении чести Ея Императорского Величества». У Анны не было никаких иллюзий относительно того, что думает о ней ее народ. Первым из поручений Тайной канцелярии, в этом можно не сомневаться ни минуты, была постоянная слежка за всеми еще живыми членами семьи Петра Первого. Особым своим врагом Анна Иоанновна, и небеспочвенно, считала Елизавету, дочь Петра Первого. Анна понимала, что у цесаревны прав на трон куда больше, а отдавать власть не желала ни под каким видом.

Оттого и появился новый указ о престолонаследии, начисто перечеркнувший все принципы передачи власти, которых до той поры хоть в какой-то мере придерживались в огромной стране. Анна Иоанновна объявила, что трон наследует потомок по мужской линии ее племянницы Елизаветы-Екатерины-Христины, дочери Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской, после крещения получившей имя Анны Леопольдовны.

Оставим ненадолго младшую Анну – о ее судьбе нам еще придется упоминать, и упоминать не раз. Жизнь Анны Иоанновны, царицы и самодержицы, подходит к концу – Елизавете, как мы уже заметили, сие видно невооруженным глазом.

Вскоре Анна опасно заболевает. Среди приближенных начнутся толки о наследниках. Вопрос о престолонаследии был давно решен – своим преемником императрица самолично назовет двухмесячного Иоанна Антоновича, сына Анны Леопольдовны. Но сейчас необходимо определить, кто же будет регентом до его совершеннолетия. Десять дней длится болезнь – и десять дней прохожа «душенька» Бирон подкупает, уговаривает, приказывает, открывает глаза на то, что регентом может быть только он (а вовсе не родители малыша, венценосные великая княгиня Анна Леопольдовна и ее муж, великий князь Антон Ульрих). К сумеркам десятого дня становится ясно, что кончина близка. Императрица Анна зовет в свои покои канцлера Александра Ивановича Остермана и «душеньку» Бирона. В их присут-

ствии она подписывает невероятные указы – наследником престола еще раз назван Иоанн Шестой Антонович, а регентом при нем «до мига совершеннолетия рекомого наследника» – Эрнст Иоганн Бирон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.